
СТИВЕН
КИНГ
МРАЧНЫЕ ИСТОРИИ,
КАК ВЫ ЛЮБИТЕ
Перевод Ернара Шамбаева (2024)

"Мрачные истории, как вы любите" (2024) — это новый сборник рассказов и повестей Стивена Кинга, общепризнанного короля ужасов и мастера триллеров.

Сборник включает в себя 12 произведений, 6 из которых уже были ранее переведены и выложены в Сети в 2023 году.

В данном сборнике:

Детектив, ужасы, фантастика, мистика, чёрный юмор – талант Кинга многогранен!

Перевод и примечания сделаны Ернаром Шамбаевым, телеграм-канал: https://t.me/king_holly

В конце этого сборника вас ожидает приятный бонус — свежее интервью с Мастером Кингом.

А теперь - откиньтесь на спинку кресла и наслаждайтесь.

Вас ожидает увлекательное, незабываемое путешествие!

В путь, друзья!

Два талантливых засранца

1

Мой отец — мой знаменитый отец — умер в 2023 году, в возрасте девяноста лет. За два года до своей смерти он получил электронное письмо от внештатной журналистки Рут Кроуфорд с просьбой дать ей интервью. Я прочитал ему это письмо, как читал всю его личную и деловую переписку, потому что к тому времени он перестал пользоваться всеми своими электронными устройствами — сначала настольным компьютером, затем ноутбуком и, наконец, любимым телефоном. Зрение у него оставалось хорошим до самого конца, но он говорил, что чтение с экрана "Айфона" вызывает у него головную боль. На поминальной трапезе доктор Гудвин

сообщил мне, что перед последним апоплексическим ударом папа, возможно, перенес серию микроинсультов.

Примерно в то время, когда он отказался от телефона — это было лет за пять-шесть до его смерти, — я досрочно вышел на пенсию с должности школьного инспектора округа Касл и начал работать на отца полный рабочий день. Дел хватало. У него была домработница, но по вечерам и в выходные эти обязанности выполнял я. Я помогал ему одеваться по утрам и раздеваться по вечерам. Я готовил ему еду и убирал за ним, когда папа не успевал добраться до туалета посреди ночи.

У него также имелся разнорабочий, но к тому времени Джимми Григгсу самому уже было под восемьдесят, поэтому мне приходилось выполнять работы, которые не успевал делать Джимми — от мульчирования[159] любимых папиных цветочных клумб до прочистки засорившихся стоков. Вопрос о переезде в дом престарелых никогда не обсуждался, хотя, видит Бог, папа мог бы себе это позволить; дюжина романов-мегабестселлеров, написанных за сорок лет, принесла ему состояние.

Последний из его "увлекательных романов-тяжеловесов" (по словам Донны Тартт из "Нью-Йорк Таймс") был опубликован, когда папе было восемьдесят два года. Он дал серию обязательных интервью, попозировал для обязательных фотографий, а затем объявил о своем уходе на пенсию. С прессой он пообщался благосклонно, со своим "фирменным юмором" (по мнению Рона Чарльза из "Вашингтон Пост"). Мне он сказал: "Слава Богу, с этой хренью покончено". За исключением неформального интервью, которое он дал Рут Кроуфорд, больше он ничего не сказал на публику. Его много раз просили, но он всегда отказывался; говорил, что сказал всё, что хотел сказать, включая то, о чём, возможно, стоило бы промолчать.

— Если раздавать интервью направо и налево, — поделился он со мной однажды своим мнением, — то рано или поздно ляпнешь что-нибудь не то. И именно эти цитаты запомнятся, и чем старше становишься, тем больше вероятность брякнуть что-то невпопад.

Тем не менее, его книги продолжали продаваться, а значит, продолжались и его дела. Я обсуждал с ним продление контрактов, концепции обложек книг и предложения по их экранизациям, а также добросовестно читал все предложения дать интервью, когда он уже сам не мог их читать. Он всегда отвечал "нет", в том числе и на предложение Рут Кроуфорд.

— Дай ей стандартный ответ, Марк: польщен, но нет. — Однако в данном случае он замешкался, потому что её предложение несколько отличалось от других.

Кроуфорд хотела написать статью о моем отце и его давнем друге, Дэвиде "Буче" ЛаВердье, который скончался в 2019 году. Мы с папой летали на похороны Буча на Западное побережье на арендованном самолете "Гольфстрим". Папа всегда был бережлив с деньгами (не жадным, но бережливым), и огромные расходы на перелет туда и обратно многое говорили о его привязанности к человеку, которого я с детства называл дядей Бучем. Эта привязанность не ослабевала, хотя они не виделись лицом к лицу более десяти лет.

---

[159] Мульчирование — это один из популярных способов улучшить качество грунта на участке и защитить почву от перепада температур, пересыхания и т.д.

Папу попросили выступить с речью на похоронах. Я думал, что он откажется — его неприязнь к публичному вниманию распространялась на всё, не только на интервью, — но он выступил. Он не подошел к трибуне, а просто стоял на своем месте, опираясь на трость. Он всегда был хорошим оратором, и с возрастом это не изменилось.

— В детстве мы с Бучем ходили в школу, в которой был всего лишь один кабинет, это было ещё до Второй мировой. Мы выросли в городке, в котором не было светофоров, в городке с грунтовыми дорогами, чинили и латали машины, занимались спортом, а потом сами тренировали. Повзрослев, мы принимали участие в городской политике и следили за городской свалкой — очень похожие работы, как я сейчас понимаю. Мы охотились, рыбачили, тушили травяные пожары летом и расчищали дороги зимой. При этом снесли немало почтовых ящиков. Я знал его, когда ещё никто не знал наших имен, за исключением друзей и родственников. Мне следовало бы его навещать в последние годы, но я был занят своими делами. Думал, что ещё есть время. Мы всегда так думаем, наверное. А потом время внезапно заканчивается. Буч был замечательным художником, но кроме того, он был хорошим человеком. Думаю, что второе важнее. Может, кто-то из присутствующих с этим не согласится, и это нормально, это нормально. Но дело в том, что я всегда прикрывал его, а он — меня.

Он замолчал, опустив голову и обдумывая что-то.

— В моем маленьком городке в штате Мэн есть поговорка для таких друзей. Мы держались рядом.

Да, они держались вместе, и это касалось и их секретов.

* * *

У Рут Кроуфорд было внушительное досье — я проверил. Её статьи — в основном биографии личностей — публиковались в дюжине изданий, многие из которых были местными или региональными ("Янки", "Даун-Ист", "Нью-Ингленд Лайф"), но было и несколько национальных, включая статью о несчастном городке Дерри[160] в "Нью-Йоркере". Что касается будущей статьи о Лэрде Кармоди и Дэйве ЛаВердье, то мне подумалось, что она нашла хорошую основу для своего сюжета: два человека из одного маленького городка в Мэне, прославившиеся в двух разных областях культуры. И дело не только в этом. И Кармоди, и ЛаВердье достигли огромного успеха в сорок с лишним лет, в том возрасте, когда большинство мужчин и женщин уже отказываются от своих юношеских амбиций. В том возрасте, когда, как однажды выразился папа, они "вырыли себе колею и начали ее обустраивать". Рут хотела выяснить, как такое невероятное совпадение могло произойти... если, конечно, это было совпадением.

— А обязательно должна быть какая-то причина? — спросил папа, когда я закончил читать ему письмо мисс Кроуфорд. — Она на что-то намекает? Думаю, она никогда не слышала о братьях-близнецах, которые выиграли крупные суммы денег в лотерею в один и тот же день.

— Ну, возможно, это не было полным совпадением, — сказал я. — Если только ты не выдумал эту историю на лету.

---

[160] Дерри — вымышленный город в произведениях С.Кинга, там происходили, в частности, события романа "Оно"

Я дал ему время сказать что-нибудь в ответ, но он лишь улыбнулся той улыбкой, которая могла означать что угодно. Поэтому я продолжил.

— Я имею в виду, что эти близнецы могли вырасти в доме, где азартные игры были естественной частью повседневной жизни. И это делает данное событие менее невероятным, согласен? Плюс, сколько лотерейных билетов они купили, которые оказались проигрышными?

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, Марк, — сказал папа, по-прежнему улыбаясь. — Что конкретно ты хочешь сказать?

— Только то, что я могу понять интерес этой женщины к тому факту, что вы с Дэйвом — оба родом из захолустья и расцвели в середине жизни. — Я поднял руки над головой, словно обрамляя заголовок. — Может, это... судьба?

Папа задумался над этим, потирая рукой белую щетину на своем глубоко иссеченном морщинами лице. Мне показалось, что он вот-вот передумает и скажет "да". Но затем он лишь покачал головой.

— Просто напиши ей одно из своих вежливых писем, скажи, что я отказываюсь, и пожелай ей успехов в будущих начинаниях.

Именно так я и поступил, хотя что-то в выражении лица папы в тот момент зацепило меня. Это был взгляд человека, который мог бы многое рассказать о том, как они со своим другом Бучем добились славы и богатства... но который предпочел этого не рассказывать. Который предпочел держать это рядом, при себе.

* * *

Возможно, Рут Кроуфорд была разочарована отказом папы от интервью, но она не опустила руки. Она не забросила свой проект, даже когда я тоже отказал ей в интервью, сказав, что мой отец не одобрил бы его после своего отказа, и, кроме того, всё, что я знал, — это то, что мой отец всегда любил истории. Он много читал и никогда не выходил из дома без засунутой в задний карман книги в мягкой обложке. Он рассказывал мне чудесные сказки на ночь и иногда записывал их в свой блокнот на пружине. А что касается дяди Буча... Он нарисовал фреску в моей спальне — мальчики играют в мяч, мальчики ловят светлячков, мальчики с удочками. Рут, конечно, тут же захотелось на неё посмотреть, но фреска была давно закрашена, ведь я вырос из этих детских забав. Когда сначала папа, а потом и дядя Буч взлетели, как пара ракет, добившись триумфа, я учился в Университете штата Мэн, получая степень в области дополнительного образования. Ведь, как гласит старая присказка, те, кто не умеет ничего делать, учат, а те, кто не умеет учить, учат учителей. Успех моего отца и его лучшего друга, написал я Рут, был для меня таким же сюрпризом, как и для всех остальных жителей города. Есть ещё одна старая шутка о том, что из Назарета[161] не может выйти ничего хорошего.

Я написал об этом в письме мисс Кроуфорд, потому что чувствовал свою вину (но совсем небольшую) из-за отказа в интервью. В письме я упомянул, что у них, конечно, были мечты, как и у большинства людей, и, как большинство людей, они держали эти мечты при себе. Я полагал, что рассказы папы и жизнерадостные картины дяди Буча были для них просто хобби

[161] Назарет был маленьким и незначительным городом в Галилее, и у людей из других регионов Израиля были предубеждения против этого города, но оттуда вышел Иисус Христос

вроде резьбы по дереву или игры на гитаре, пока не хлынули деньги. Я напечатал это, а потом от руки приписал постскриптум: "И они молодцы!"

* * *

В округе Касл насчитывается двадцать семь населенных пунктов. Касл-Рок — крупнейший, Гейтс-Фоллс — второй по величине. Городок Харлоу[162], где вырос сын Лэрда и Шейлы Кармоди, то бишь я, не входит даже в первую десятку. Однако с тех пор, как я жил в нем ребенком, он значительно вырос, и иногда мой папа, который тоже провел всю свою жизнь в Харлоу, говорил, что едва узнает его. Он ходил в школу, в которой был лишь один кабинет, я ходил в школу из четырех кабинетов (по два класса в каждом), а теперь там школа из восьми кабинетов да еще и с геотермальным отоплением и охлаждением.

Когда папа был маленьким, все дороги в городе были грунтовыми, кроме шоссе 9, Портленд-роуд. Когда появился я, грунтовыми оставались только Дип-Кат и Методист-роуд. Сегодня все дороги асфальтированы. В шестидесятых годах был только один магазин — "У Брауни", где старики сидели вокруг настоящей бочки с солеными огурцами. Теперь в городе несколько магазинов, а на Квакер-Хилл-роуд появилось некое подобие центра города (если его можно так назвать). Сейчас у нас есть пиццерия, два салона красоты и — вы не поверите, но это правда — маникюрный салон, который, похоже, процветает. Но средняя школа у нас так и не появилась; это, увы, не изменилось. У детей из Харлоу есть три варианта на выбор: средняя школа Касл-Рока, средняя школа Гейтс-Фоллс или средняя школа Маунтин-Вью, более известная как Академия Кристера. Мы здесь остаёмся деревенщиной: ездим на пикапах, слушаем кантри-музыку, пьем кофе с бренди, голосуем за республиканцев. Нас не за что особо выделить, наш городок ничем особо не прославился. Кроме двух человек, которые родом отсюда: моего папы и его друга Буча ЛаВердье. "Два талантливых засранца", как выразился папа во время короткой беседы через забор с Рут Кроуфорд.

"Ваши родители провели здесь всю свою жизнь?" — может спросить городской житель. — "А потом и ВЫ тоже? Вы с головой вообще дружите?"

Дружим.

Роберт Фрост[163] как-то сказал, что дом — это место, где тебе всегда рады и где тебя всегда примут. Это место, с которого ты начинаешь, и если тебе повезет, это то место, где ты заканчиваешь. Буч скончался в Сиэтле, чужаком в чужом краю. Может, его это устраивало, но думаю, что в конце жизни он предпочел бы маленькую грунтовую дорогу и лес на берегу озера, известный как "Тридцатимильный лес".

* * *

Хотя тема, которую Рут Кроуфорд исследовала (или, точнее, расследовала), была сосредоточена в Харлоу, где выросли её герои, в этом городке не было ни мотелей, ни даже ночлежек, поэтому она обосновалась в мотеле "Гейтвей" в Касл-Роке. Зато в Харлоу имелся дом для престарелых, и там Рут взяла интервью у человека по имени Олден Тутакер, который

---

[162] Харлоу — вымышленный городок в произведениях С.Кинга, упоминается, в частности, в повести "Телефон Мистера Харригана" и романе "Возрождение"

[163] Роберт Ли Фрост — американский поэт, один из крупнейших поэтов в истории США, четырёхкратный лауреат Пулитцеровской премии

учился в школе вместе с моим папой и его другом. Именно Олден поведал ей историю о том, как Дэйв получил своё прозвище. ЛаВердье всегда носил в кармане тюбик геля "Лаки Тайгер Буч Вакс", которым часто пользовался, чтобы его "флэттоп"[164] стоял прямо. Он носил такую прическу всю жизнь (пока на его голове имелись волосы). Это стало его визитной карточкой. Что касается того, продолжал ли он пользоваться тем гелем, когда стал знаменитым, можете гадать сами. Я даже не знаю, выпускают ли его до сих пор.

"Они были друзьями ещё со школьных лет", — рассказывал Олден. — "Пара пацанов, которые любили рыбачить или ходить на охоту со своими отцами. Они выросли в сложных условиях, среди тяжкого труда, и не ждали от жизни многого. Может, вы найдете людей моего возраста, которые скажут, что они предчувствовали, что эти парни чего-то добьются, но я не из их числа. Они были вполне обычными парнями, пока не стали необычными".

Лэрд и Буч учились в средней школе Гейтс-Фоллс. Их определили на "общеобразовательные курсы", которые тогда предназначались для школьников, не планировавших поступать в университет. Никто не говорил прямым текстом, что они недостаточно умны; это просто имелось в виду. Они изучали дисциплины под названием "Повседневная математика" и "Деловой английский", где на нескольких страницах учебника объяснялось, как правильно составлять деловое письмо (с иллюстрациями). Они проводили много времени в столярной мастерской и автомастерской. Оба играли в футбол и баскетбол, хотя мой папа большую часть времени сидел на скамейке запасных. Оба закончили школу со средними баллами и вместе выпустились 8 июня 1951 года.

Дэйв ЛаВердье пошел работать к своему отцу, сантехнику. Лэрд Кармоди и его отец ремонтировали машины на семейной ферме и продавали их в "Пивис Кар Март" в Гейтс-Фоллс. Они также держали овощной ларёк на Портленд-роуд, который приносил хороший доход.

Дядя Буч не особо ладил со своим отцом, и в итоге Дэйв ушел в самостоятельное плавание, занимаясь ремонтом труб, укладкой водопроводов и иногда рытьем колодцев в Гейтс и Касл-Роке (его отец контролировал весь бизнес в Харлоу и не собирался ни с кем делиться, даже с собственным сыном). В 1954 году два друга основали компанию "Эл-энд-Ди Хоулидж", которая занималась вывозом мусора на свалку. В 1955 году они приобрели свалку, город с радостью избавился от неё. Они привели её в порядок, устраивали контролируемые сжигания, внедрили простую программу переработки отходов и избавили ее от вредителей. Город платил им стипендию, которая стала приятным бонусом к их постоянной работе. Металлолом, особенно медная проволока, приносил дополнительный доход. Люди в городе прозвали их "близнецами-мусорщиками", но Олден Тутакер (и другие старожилы с еще сохранившейся памятью) заверил Рут Кроуфорд, что это была безобидная шутка, не с целью обидеть или унизить.

Свалка занимала около пяти акров и была окружена высоким дощатым забором. Дэйв разрисовал его фресками на тему жизни города, добавляя каждый год что-то новое. Хотя забора уже давно нет (а свалка теперь стала полигоном), но сохранились фотографии. Эти фрески напоминают более поздние работы Дэйва. Там были сцены совместного изготовления

---

[164] Флэттоп — является разновидностью стрижки ёжиком, с тем лишь исключением, что волосы на макушке специально выпрямляются наверх (как правило, не более двух сантиметров) и им придаётся очень ровный вид, из-за чего причёска зрительно становится "квадратной" ("площадкой")

лоскутных одеял, переходившие в бейсбольные игры, бейсбольные игры, переходившие в карикатуры на давно ушедших жителей Харлоу, сцены весеннего посева и осеннего сбора урожая. Были изображены все моменты жизни маленького городка, но дядя Буч добавил еще и Иисуса с апостолами (последним был Иуда с ехидной ухмылкой на лице). В этих рисунках не было ничего выдающегося, но они были жизнерадостными и добродушными. Их можно назвать предвестниками его будущих больших работ.

Вскоре после смерти дяди Буча картина ЛаВердье с изображением Элвиса Пресли и Мэрилин Монро, прогуливающихся рука об руку по усыпанной опилками дорожке карнавала в маленьком городке, была продана за три миллиона долларов. Конечно, она была в тысячу раз лучше, чем фрески дяди Буча на свалке, но и там бы смотрелась вполне уместно: тот же сумасшедший юмор, оттенённый подспудным отчаянием и долей презрения. Фрески Дэйва на свалке были бутоном, а картина с Элвисом и Мэрилин — цветком.

Дядя Буч так и не связал себя брачными узами, а вот папа женился. У него была школьная возлюбленная по имени Шейла Уайз, которая после окончания школы уехала учиться в Вермонтский педагогический университет. Когда она вернулась, чтобы преподавать в пятом и шестом классах начальной школы Харлоу, мой отец с радостью узнал, что она ещё не замужем. Он ухаживал за ней и добился её. Они поженились в августе 1957 года. Дэйв ЛаВердье был шафером папы. Через год появился я, и лучший друг моего папы стал моим дядей Бучем.

* * *

В рецензии на первую книгу папы, "Грозовой шторм", было написано следующее: "На первых ста с лишним страницах этого тревожного романа мистера Кармоди мало что происходит, но читателя всё равно затягивает, потому что играют скрипки".

Я подумал, что это удачное сравнение. Но для Рут Кроуфорд не прозвучало таких скрипок, когда она изучала жизнь отца и его друга; картина, которую нарисовали ей Олден и другие жителей города, состояла из двух мужчин, достойных, порядочных и абсолютно честных. Они были сельскими жителями, ведущими сельский образ жизни. Один был женат, а другой был тем, кого в те времена называли "закоренелым холостяком", без намёка на малейший скандал в его личной жизни.

Вики, младшая сестра Дэйва, согласилась дать интервью. Она рассказала Рут, что изредка Дэйв ездил "в город" (то есть в Льюистон) потусоваться в ночных клубах и барах на Лисбон-стрит. "Он веселился в Холли", — сказала она, имея в виду "Холидей Лаунж" (давно уже не существующий). — "Охотнее всего он отправлялся туда, если там выступала малышка Джонна Джей. О, у него сносило от неё голову! Он так и не затащил её в постель — не повезло! — но, бывало, возвращался домой в компании".

Вики сделала паузу, как потом рассказала мне Рут, а затем добавила: "Я знаю, о чём вы подумали, мисс Кроуфорд, сейчас все так думают, если мужчина долго живет без женщины, но это не так. Мой брат, может, и стал знаменитым художником, но геем уж точно не был".

* * *

Этих двух мужчин любили и уважали, все это подтвердят, ведь они помогали своим соседям. Когда у Филли Лоубёрда случился сердечный приступ, и его поле было скошено лишь

наполовину, а грозы уже надвигались, папа отвёз его в больницу Касл-Рока, а Буч собрал несколько своих приятелей, и они закончили работу до первых капель дождя. Они тушили травяные пожары и, случалось, домовые пожары вместе с местной добровольной пожарной командой. Папа вместе с мамой собирали деньги в так называемый Фонд помощи бедным, когда появлялось свободное от ремонта машин и работы на свалке время. Они тренировали детские спортивные команды. Бок о бок они готовили жареную свинину на мероприятиях, организованных добровольной пожарной частью весной, и барбекю из курицы на праздниках, которые знаменовали конец лета.

Просто сельские жители, живущие сельской жизнью.

Никаких скрипок.

Пока не заиграл целый оркестр.

* * *

Я знал многое об отце. Но еще больше я узнал от самой Рут Кроуфорд в кафе "Корнер Кофе Кап", расположенном напротив мотеля "Гейтвей" и в квартале от почтового отделения. Именно туда приходила папина корреспонденция, и обычно её было чертовски много. Я всегда заходил в "Кофе Кап" после того, как забирал почту. Кофе там был терпимый, не более того, но черничные кексы? Лучше не найти.

Я перебирал почту, отделяя зёрна от плевел, когда услышал:

— Можно присесть?

Это была Рут Кроуфорд, стройная и подтянутая, в белых брюках, розовом топе и подходившей по цвету маске, на дворе был второй год ковида. Она уже садилась за другую сторону столика, что меня развеселило.

— Вы не сдаётесь, да?

— Скромность девушку не красит и Нобелевскую премию не приносит, — ответила она и сняла маску. — Как здесь кофе?

— Неплохо. Как вы, должно быть, и сами знаете, ведь живёте прямо через дорогу. Кексы лучше. Но интервью всё равно не будет. Простите, мисс Кроуфорд, не могу.

— Останусь без интервью, ясно. Но давайте, всё, о чем мы поговорим, останется за кадром, ладно?

— То есть без огласки.

— Именно так.

Подошла официантка Сьюзи Макдональд. Я спросил её, успевает ли она с вечерними занятиями. Она улыбнулась за своей маской и ответила, что да. Мы с Рут заказали кофе и кексы.

— Вы знаете всех в этих трёх городах? — спросила Рут, когда Сьюзи ушла.

— Не всех, нет. Раньше я знал больше людей, а когда был школьным инспектором округа, еще больше. Только между нами, да?

— Абсолютно.

— Сьюзи родила в семнадцать, и родители прогнали её из дома. Святоши, церковь Христа-Искупителя. Она ушла жить к своей тёте в Гейтс. Потом она закончила среднюю школу и сейчас ходит на образовательные занятия при колледже Бэйтс. В конечном итоге она хочет стать ветеринаром. Я думаю, у неё всё получится, и с её дочуркой всё в порядке. А как у вас? Хорошо проводите здесь время? Много узнали о папе и дяде Буче?

Она улыбнулась.

— Я узнала, что ваш отец был лихачом до того, как женился на вашей матери — кстати, соболезную по поводу утраты.

— Спасибо. — Хотя в то лето 2021 года моей мамы не было уже пять лет.

— Ваш отец влетел в "Додж" какого-то старого фермера и на год лишился прав, вы это знали?

Я не знал и сказал ей об этом.

— Я узнала, что Дэйв ЛаВердье любил бары Льюистона и был влюблён в местную певичку, которая называла себя "малышка Джонна Джей". Ещё я узнала, что он вышел из Республиканской партии после Уотергейтского скандала[165], а ваш отец — нет.

— Папа будет голосовать за республиканцев до самой смерти. Но... — Я подался вперёд. — Всё ещё не для протокола?

— Абсолютно! — Она улыбалась, но глаза её сияли любопытством.

Я понизил голос до шепота.

— Он не голосовал за Трампа во второй раз. Не смог заставить себя проголосовать за Байдена, но Дональда ему хватило. Надеюсь, вы унесете эту тайну с собой в могилу.

— Клянусь. Я выяснила, что Дейв побеждал в ежегодном городском конкурсе по поеданию пирогов с 1960 по 1966 год, пока не бросил участвовать. Я узнала, что вашего отца сажали в кресло для окунания[166] на празднике “Дни старого дома”[167] до 1972 года. Есть забавные фотографии, где он запечатлен в старомодном купальном костюме и шляпе-котелке... водонепроницаемой, я полагаю.

— Мне было стыдно и неловко, — сказал я. — Меня потом дразнили в школе.

---

[165] Уотергейтский скандал — политический скандал в США 1972—1974 годов, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона

[166] Кресло для окунания — средневековое устройство, используемое для наказания женщин, обвиняемых в ведьмовстве или других преступлениях. Жертву сажали в кресло, прикрепленное к длинному рычагу, и погружали в воду

[167] “Дни старого дома” — праздник, который проводится в небольших городах и поселках, чтобы собрать вместе местных жителей, бывших жителей и гостей для празднования истории и культуры города. Такие мероприятия включают в себя парады, ярмарки, музыкальные выступления и различные традиционные игры и конкурсы

— Кроме того, я узнала, что когда Дейв отправился на запад, он упаковал всё необходимое в седельные сумки своего мотоцикла "Харли-Дэвидсон" и просто укатил. Ваши родители продали на распродаже всё остальное его имущество и отправили ему деньги. Ваш отец также продал за него его дом.

— С довольно неплохой прибылью, — заметил я. — Это было весьма кстати. К тому времени дядя Буч стал заниматься только живописью, и ему пригодились эти деньги, пока он не начал продавать свои работы.

— А ваш отец к тому времени сосредоточил свои усилия на писательстве.

— Да, но всё еще управлял свалкой. Управлял, пока не продал её обратно городу в начале девяностых. Тогда она и стала полигоном.

— Он также купил автосалон "Пивис Кар Март" и продал его. Выручку отдал городу.

— Серьезно? Мне он никогда этого не говорил. — Хотя мама, без сомнений, знала про это.

— Да, отдал выручку, а почему бы и нет? Он ведь не нуждался в деньгах? К тому времени писательство стало его работой, а все городские дела были просто хобби.

— Благие дела, — заметил я, — никогда не бывают просто хобби.

— Эту мудрость вам поведал ваш отец?

— Моя мать.

— А что она думала о внезапной перемене в вашей судьбе? Не говоря уже о перемене судьбы вашего дяди Буча?

Я обдумывал её вопрос, пока Сьюзи подавала нам кофе с кексами. Потом произнёс:

— Мне не очень хочется об этом говорить, мисс Кроуфорд.

— Зови меня Рут.

— Рут... но мне всё равно не хочется в это углубляться.

Она намазывала маслом свой кекс. Смотрела на меня с каким-то острым недоумением — не знаю, как еще это назвать, — от чего я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Собранного мной материала хватит, чтобы написать хорошую статью и продать её журналу "Янки", — сказала она. — Десять тысяч слов текста, полного местного колорита и забавных анекдотов. Всё это дерьмо про Мэн, которое люди обожают, мэнский диалект и "я готов на всё". У меня есть фотографии настенных росписей на свалке Дейва ЛаВердье. Есть фотографии твоего отца — знаменитого писателя — в купальном костюме 1920-х годов, когда горожане пытаются сбросить его в бак с водой.

— Два доллара за три броска мячом в рычаг, скидывающий его туда. Вся прибыль шла в различные городские благотворительные фонды. Они радостно аплодировали каждый раз, когда он летел в воду.

— У меня есть фотографии, как они подают блюда из курицы туристам и отдыхающим, оба в передниках и шутливых колпаках с надписью "МОЖЕШЬ ПОЦЕЛОВАТЬ ПОВАРА".

— Многие женщины так и делали.

— У меня есть рыбацкие истории, охотничьи истории, истории о благих делах — например, как они помогали человеку с сердечным приступом заготовить сено. У меня есть история, как Лэрд катался на машине и лишился прав. У меня есть всё, и у меня нет ничего. То есть, нет ничего по-настоящему значимого. Люди с удовольствием рассказывают истории о них — я знал Лэрда Кармоди тогда, я знал Буча ЛаВердье тогда, но никто не объясняет, как они стали знаменитыми. Ты понимаешь, куда я клоню?

Я ответил, что понимаю.

— Но ведь ты-то кое-что должен знать, Марк. Что, черт возьми, произошло? Не расскажешь?

— Тут не о чем рассказывать, — солгал я, и, думаю, она поняла это.

* * *

Я помню, как осенью 1978 года комендант общежития (тогда реально были такие), пыхтя, поднялась на третий этаж "Робертс-Холла" и сообщила, что моя мама просит меня к телефону, и, судя по голосу, она крайне расстроена. Я поспешил вниз в маленькие апартаменты миссис Хэтэуэй, жутко боясь того, что могу услышать.

— Мам? Всё в порядке?

— Да. Нет. Не знаю. Что-то случилось с отцом, когда они охотились в Тридцатимильном лесу. — И потом добавила, словно ей пришла в голову запоздалая мысль. — И с Бучем.

У меня упало сердце, а яички, казалось, поднялись к самому горлу.

— Несчастный случай? Они пострадали? Кто-то... — я не смог закончить, как будто если спросить, погиб ли кто, это станет явью.

— С ними всё в порядке. Физически они здоровы. Но что-то произошло. Отец выглядит так, будто увидел привидение. И Буч... тоже. Они сказали мне, что заблудились, но это чушь собачья. Они оба знают Тридцатимильный лес как свои пять пальцев. Я хочу, чтобы ты приехал домой, Марк. Не сейчас, но в эти выходные. Может, ты сможешь выведать у него правду.

Но когда я попытался выведать, папа начал настаивать, что они просто заблудились, наконец нашли дорогу обратно к Джиласи-Крик (искаженная, американизированная версия микмакского слова "привет") и вышли за кладбищем Харлоу, как ни в чем не бывало.

Я поверил в эту чепуху не больше, чем мама. Я вернулся в школу, и перед рождественскими каникулами в моей голове возникла ужасная мысль: что один из них застрелил другого охотника — такое случается несколько раз в год в сезон охоты, — и они закопали тело в лесу.

В канун Рождества, после того как мама легла спать, я, наконец, набрался смелости и озвучил свою мысль. Мы сидели в гостиной, смотрели на ёлку. Папа словно испугался... но затем рассмеялся.

— Боже, нет! Если бы что-то такое случилось, мы бы сообщили об этом полиции и приняли бы любое наказание. Мы просто заблудились. Такое случается даже с лучшими из нас, малыш.

Я вспомнил мамины слова и едва не произнёс их: чушь собачья.

* * *

У моего отца было саркастическое чувство юмора, и лучше всего оно проявилось, когда из Нью-Йорка прилетел его бухгалтер — примерно в то время, когда опубликовали последний роман отца — и сообщил папе, что его состояние составляет чуть более десяти миллионов долларов. Не уровень Дж. К. Роулинг (или даже Джеймса Паттерсона), но вполне значительная сумма. Папа обдумал это и сказал:

— Похоже, книги делают гораздо больше, чем просто украшают комнату[168].

Бухгалтер озадачился, но я понял отсылку и засмеялся.

— Я не оставлю тебя без гроша, Марки, — сказал папа.

Должно быть, он заметил, как я скривился, или просто осознал смысл своих слов. Он наклонился и похлопал меня по руке, как делал, когда я был ребенком и меня что-то беспокоило.

Я уже не был ребенком, но был одинок. В 1988 году я женился на Сьюзан Уиггинс, юристе из окружной прокуратуры. Она говорила, что хочет детей, но постоянно откладывала на потом. Незадолго до двенадцатой годовщины нашей свадьбы (на которую я купил ей жемчужное ожерелье) она сказала, что уходит к другому мужчине. Это длинная история, как сие часто бывает, но это всё, что вам нужно знать, потому что рассказ не обо мне. Но когда мой отец сказал, что не оставит меня без гроша, я подумал — или, как мне кажется, мы оба подумали, — а кому оставлю я эти десять миллионов, когда придёт мое время?

Вероятно, школьному административному округу 19 штата Мэн. Школам всегда нужны деньги.

* * *

— Ты ведь должен знать, — продолжала настаивать Рут в тот день в кафе "Кофе Кап". — Просто обязан. Это всё не для записи, помнишь?

— Для записи или нет, но я действительно не знаю, — сказал я. Я лишь знал, что что-то случилось с папой и дядей Бучем в ноябре 1978 года на их ежегодной охоте. После этого папа стал писателем, автором толстых романов-бестселлеров (критики называли их "трёхтомниками"), а Дэйв ЛаВердье прославился сначала как иллюстратор, а потом как художник, "сочетающий сюрреализм Фриды Кало[169] с американской романтикой Нормана Роквелла[170]" (вердикт "АртРевью").

---

[168] отсылка к фразе Сидни Смита "Нет мебели более очаровательной, чем книги"
[169] Фрида Кало — мексиканская художница, наиболее известная автопортретами
[170] Норман Роквелл — американский художник и иллюстратор

— Может, они спустились на перекрёсток, — сказала она. — Как якобы сделал Роберт Джонсон[171]. Заключил сделку с дьяволом.

Я рассмеялся, хотя совру, если скажу, что эта мысль не приходила мне в голову, особенно в грозовые летние ночи, когда раскаты грома не давали мне уснуть.

— Если даже и так, то контракт был заключен не на семь лет, а на гораздо большее время. Первая книга папы была опубликована в 1980 году, в том же году портрет Джона Леннона[172], нарисованный дядей Бучем, попал на обложку "Тайм".

— Почти сорок лет для ЛаВердье, — задумчиво произнесла она, — а твой отец на пенсии, но всё ещё крепок.

— "Крепок" — громко сказано, — сказал я, вспоминая о влажных простынях, которые сменил этим утром перед поездкой в Рок. — Но он всё еще держится. А ты? Как долго ты собираешься оставаться в наших краях, выискивая грязное бельё Кармоди и ЛаВердье?

— Довольно мерзко сказано.

— Прости. Плохая шутка.

Она доела свой кекс (я же говорил, что здесь они хороши) и теперь разминала оставшиеся крошки указательным пальцем.

— Пару дней. Хочу вернуться в дом престарелых в Харлоу и, может, пообщаться с сестрой ЛаВердье, если она согласится. У меня получается очень продаваемая статья, но не та вещь, которую я хотела.

— Может, то, что ты хотела, вообще невозможно найти. Может, творчество должно оставаться загадкой.

Она сморщила носик и произнесла:

— Не трать силы на пустые фразы. Я оплачу счет?

— Нет.

* * *

Все в Харлоу знают наш дом на Бенсон-стрит. Иногда поклонники папиного творчества приезжают посмотреть на него, но часто разочаровываются: это обычная "солонка с крышкой"[173], каких полно в Новой Англии. Чуть крупнее большинства домов, с хорошей лужайкой, усеянной клумбами. Моя мать посадила цветы и ухаживала за ними до самой

---

[171] Роберт Джонсон — американский певец, гитарист и автор песен, один из наиболее известных блюзменов XX века. Искусство игры на гитаре в стиле блюз давалось ему крайне тяжело. На какое-то время Роберт исчез, а когда появился в 1931 году, уровень его мастерства многократно возрос. По этому поводу Джонсон рассказывал байку о том, что есть некий магический перекрёсток, на котором он заключил сделку с дьяволом в обмен на умение играть блюз

[172] Джон Леннон — британский рок-музыкант, основатель группы "Битлз"

[173] тип коттеджа, первоначально характерного для Новой Англии в XVII-XIX вв., двухэтажного с фасада и одноэтажного с тыла, с двухскатной крышей, имевшей длинный скат в сторону одноэтажной части и конек, сдвинутый к передней части

смерти. Теперь наш работник Джимми Григгс поливает и подрезает их. За исключением лилейников, растущих вдоль забора перед домом. За ними папа ухаживает сам, потому что мама любила их больше всего. Когда папа поливает их или просто медленно прогуливается мимо них, прихрамывая на свою трость, мне кажется, что он вспоминает женщину, которую всегда называл "моя дорогая Шейла". Иногда он наклоняется и гладит один из цветков. На участке растут лилейники разного цвета: жёлтые, розовые и оранжевые, но особенно он любит красные, которые, по его словам, напоминают ему её щеки, когда она краснела от смущения. Его публичный образ был жёстким и немного циничным, плюс этот его сарказм, но в глубине души он всегда был романтиком и мог быть сентиментальным. Однажды он сказал мне, что скрывал эту часть самого себя, потому что она легко ранима.

Конечно, Рут прекрасно знала, где находится наш дом. Несколько раз я видел, как она проезжала мимо нас на своей маленькой "Королле", а однажды остановилась, чтобы сделать несколько фотографий. Уверен, что она также заметила, что именно по утрам папа чаще всего прогуливается вдоль забора, любуясь лилейниками, и если вы ещё не поняли, что она была очень настойчивой дамой, значит, я не справился со своей задачей.

Через два дня после нашего разговора "не-под-запись" в "Кофе Кап" она медленно катила по Бенсон-стрит и, вместо того чтобы проехать мимо, остановилась прямо возле маленьких табличек у ворот. Одна гласила: "ПОЖАЛУЙСТА, УВАЖАЙТЕ НАШУ ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ". Другая: "МИСТЕР КАРМОДИ НЕ ДАЕТ АВТОГРАФОВ". Я прогуливался с папой, как обычно, когда он осматривал лилейники; в то лето 2021 года ему уже исполнилось восемьдесят восемь лет, и даже с тростью он иногда пошатывался.

Рут вышла из машины и подошла к забору, но не пыталась открыть ворота. Настойчивая, но при этом не нарушающая границ. Мне это нравилось в ней. Чёрт возьми, она мне вообще всем нравилась. На ней была маска с цветочным принтом. Папа не носил масок, утверждая, что в них тяжело дышать, но делать прививки он не отказывался.

Папа смотрел на неё не только с любопытством, но и с лёгкой улыбкой. Она была хороша собой, особенно в свете летнего утра. Клетчатая рубашка, джинсовая юбка, белые носки и кроссовки, волосы собраны в хвост, как у подростка.

— Как сказано на табличке, мисс, я не даю автографов.

— О, я думаю, она пришла не за этим, — сказал я. Меня забавляла её наглость.

— Меня зовут Рут Кроуфорд, сэр. Я писала вам и просила об интервью. Вы отказали, но я решила попробовать ещё раз лично, перед тем как уехать в Бостон.

— А, — протянул папа. — Про меня и Буча, да? Счастливые случайные совпадения не дают вам покоя?

— Да. Хотя я не чувствую, что добралась до сути дела.

— До сути тьмы, — сказал он и рассмеялся. — Литературная шутка. У меня их куча, хотя они собирают пыль с тех пор, как я перестал давать интервью. Обет, который я не намерен нарушать, хотя вы мне кажетесь милой женщиной, и Марк говорит, что вы отлично справляетесь.

Меня одновременно удивило и порадовало, что он протягивает ей руку через забор. Похоже, она тоже удивилась, но пожала его руку, стараясь не сжимать слишком сильно.

— Спасибо, сэр. Я чувствовала, что должна попытаться. Кстати, ваши цветы прекрасны. Я люблю лилейники.

— Вы действительно их любите или просто так говорите?

— Действительно люблю.

— Моя дорогая Шейла тоже их любила. И поскольку ваши с ней вкусы совпали, я предложу вам сказочную сделку. — Его глаза сверкали. Её внешность — а может быть, и наглость — оживили его так же, как брызги воды оживляли цветы его дорогой жены.

Она улыбнулась.

— Что за сделка, мистер Кармоди?

— Я дарю вам три вопроса, и вы можете включить мои ответы в свою статью. Идёт?

Я был в восторге, и Рут Кроуфорд, похоже, тоже.

— Превосходно, — сказала она.

— Спрашивайте, юная леди.

— Дайте мне секундочку. Вы оказываете на меня давление.

— Верно, но под давлением из угля получаются бриллианты.

Она не стала спрашивать, можно ли записывать разговор, что, как мне показалось, было умным ходом. Она постучала пальцем по губам, поддерживая зрительный контакт с папой.

— Хорошо, первый вопрос. Что вам больше всего нравилось в мистере ЛаВердье?

Он ответил, не раздумывая.

— Преданность. Надежность. Это почти одно и то же, я полагаю. Мужчинам повезло, если у них есть хотя бы один хороший друг. У женщин, подозреваю, таких больше... но вам виднее.

Она задумалась.

— Думаю, у меня есть две подруги, которым я могу доверить свои самые сокровенные секреты. Нет... три.

— Тогда вам повезло. Следующий вопрос.

Она замялась, потому что у нее, наверняка, было не меньше сотни вопросов, и это короткое интервью через забор, к которому она не готовилась, было её единственным шансом. А улыбка папы — я бы не сказал, что совсем добрая — говорила, что он понимал положение, в которое её поставил.

— Время уходит, мисс Кроуфорд. Скоро мне придется зайти в дом и дать отдых своим немощным старческим ногам.

— Хорошо. Ваше самое лучшее воспоминание о времени, проведенном с вашим другом? Я бы хотела узнать и о худшем, но приберегу последний вопрос.

Папа засмеялся.

— Я не буду учитывать этот вопрос, потому что мне нравятся ваша настойчивость и ваша красота. Самое худшее — это моё последнее путешествие через всю страну в Сиэтл, когда я смотрел на гроб и понимал, что внутри него лежит мой старый друг. Его талантливая правая рука замерла навечно.

— А самое лучшее?

— Охота в Тридцатимильном лесу, — ответил он сразу. — Мы ездили туда каждую вторую неделю ноября, начиная с подросткового возраста и до тех пор, пока Буч не оседлал своего стального пони и не отправился на "золотой запад". Мы останавливались в небольшой хижине в лесу, её построил мой дед. Буч утверждал, что его дед помогал с крышей, что могло быть правдой, а могло и не быть ею. Хижина была примерно в четверти мили от Джиласи-Крик. У нас был старый джип "Виллис", и до 1954 или 1955 года на нём мы пересекали дощатый мост, парковались на другой стороне и шли к хижине с рюкзаками и ружьями. Потом мы перестали доверять мосту, потому что наводнения подмыли его, и стали парковаться на городской стороне и переходили пешком.

Он вздохнул, глядя вдаль.

— Из-за вырубки леса компанией "Даймонд Матч" и жилищного строительства на озере Дарк-Скор[174], где раньше был дом Нунэна[175], Тридцатимильный лес теперь больше похож на Двадцатимильный лес. Но в те времена там хватало леса для двух мальчишек... а затем двух молодых мужчин... чтобы побродить по нему. Иногда мы подстреливали оленя, а однажды подстрелили индейку, которая оказалась жесткой и кислой на вкус, но охота для нас была не главным. Нам просто нравилось быть вдвоем в течение этих пяти, шести или семи дней. Думаю, многие мужчины ходят в лес, чтобы выпить там и покурить, возможно, ходят по барам, чтобы снять на ночь женщин, но мы никогда не делали этого. Конечно, мы немного выпивали, но если брали с собой бутылку "Джека"[176], то её хватало на всю неделю, и ещё даже оставалось, и мы выливали остатки в огонь, чтобы посмотреть, как разгорается пламя. Мы говорили о Боге, о “Ред Сокс”, о политике и о том, как весь мир может сгореть в ядерном огне.

— Помню, как однажды мы отдыхали, сидя на бревне, и вдруг появился олень, самый крупный в моей жизни, восемнадцатиточечный самец[177], возможно, самый большой, которого кто-либо когда-либо видел, по крайней мере, в этих краях... он шел по болотистой местности под нами, так изящно, как только можно себе представить. Я поднял своё ружье, но Буч положил руку мне на плечо. "Не надо", — сказал он. — "Пожалуйста, не стреляй. Только не в этого". И я не

---

[174] озеро Дарк-Скор, кроме того, упоминается в рассказе С. Кинга "Зловещие грёзы"
[175] Майк Нунэн — главный герой романа С. Кинга "Мешок с костями"
[176] виски "Джек Дэниелс"
[177] В Северной Америке охотники часто считают количество "точек" (отростков) на рогах оленя, чтобы определить его возраст, размер и трофейную ценность. Чем больше точек, тем ценнее считается трофей

стал стрелять. Вечерами мы разжигали огонь в камине и выпивали по капельке "Джека". Буч брал с собой блокнот и рисовал. Иногда, пока он рисовал, он просил меня рассказать ему какую-нибудь историю, и я рассказывал. Одна из тех историй в итоге стала моей первой книгой, "Грозовая буря".

Я наблюдал, как она пыталась запомнить всё это. Для неё это была бесценная информация, и для меня тоже. Папа никогда не рассказывал о хижине так подробно.

— Полагаю, вы не читали эссе "Вернись на плот, Хак, милый!"[178]?

Рут покачала головой.

— Нет? Конечно, нет. Никто больше не читает Лесли Фидлера, а жаль. Он был дерзким возмутителем спокойствия, убийцей священных коров, читать его было весело. В своём эссе он утверждал, что гомоэротизм был великим двигателем американской литературы, что истории о мужской дружбе на самом деле были историями о подавленных сексуальных желаниях. Чепуха, конечно, это, вероятно, больше говорит о самом Фидлере, чем о мужской сексуальности. Потому что... почему? Кто из вас может мне ответить?

Рут, казалось, боялась разрушить заклинание (которое он наложил как на себя, так и на неё), поэтому голос подал я.

— Это поверхностно. Превращает мужскую дружбу в грязную шутку.

— Упрощенно, но близко к правде, — сказал папа. — Буч и я были друзьями, не любовниками, и в те дни в лесу мы наслаждались этой дружбой в её чистейшем виде. Это была своего рода любовь. Это не значит, что я любил Шейлу меньше или что Бучу меньше нравились его поездки в город — он был без ума от рок-н-ролла, который называл бопом, — но в Тридцатимильном лесу вся мирская суета отходила на второй план.

— Вы держались вместе, — сказал я.

— Да, верно. Ваш последний вопрос, мисс.

Она не колебалась.

— Так что же произошло? Как получилось, что из провинциалов вы превратились в мировые явления? Стали культурными иконами?

Что-то в его лице изменилось, и я вспомнил, как мама была встревожена, когда звонила мне в общежитие: "Твой отец выглядит так, словно увидел привидение". Если это было так, то, вероятно, он снова увидел его. Затем он улыбнулся, и привидение исчезло.

— Мы были просто двумя талантливыми засранцами, — сказал он. — На этом порешим. Теперь мне нужно в дом, укрыться от этого яркого солнца.

— Но...

---

[178] эссе, написанное американским литературным критиком Лесли Фидлером. В нём рассматриваются скрытые гомоэротические мотивы в литературе, в частности в романе Марка Твена "Приключения Гекльберри Финна")

— Нет. — Он сказал это резко, и она слегка отшатнулась. — Мы закончили.

— Думаю, ты получила больше, чем ожидала, — сказал я ей. — Удовлетворись этим.

— Полагаю, придется. Спасибо, мистер Кармоди.

Папа приподнял руку, страдающую от артрита, в знак признательности. Я повёл его обратно в дом и помог подняться по ступенькам крыльца. Рут Кроуфорд постояла немного, потом села в свою машину и уехала. Больше я её не видел, но, конечно, почитал статью, которую она написала о папе и дяде Буче. Статья была живой и полной забавных анекдотов, хотя и не глубокой. Она была опубликована в журнале "Янки" и была вдвое длиннее, чем обычно редакторы позволяли для того рода статей. Уверен, что Рут действительно получила больше, чем ожидала, когда остановилась у нашего дома по пути из города, в том числе и заголовок для своей статьи — “Два талантливых засранца”.

* * *

Моя мама — Шейла Уайз Кармоди, Богоматерь лилейников — скончалась в 2016 году в возрасте семидесяти восьми лет. Это стало шоком для всех, кто её знал. Она не курила, изредка выпивала бокал вина по особым случаям, не была ни чрезмерно полной, ни слишком худой. Её мать дожила до девяноста семи лет, бабушка — до девяноста девяти, но мама перенесла обширный сердечный приступ, когда ехала домой из касл-рокского супермаркета "Ай-джи-эй", накупив там кучу продуктов. Она съехала на обочину Сируа-Хилл[179], поставила машину на ручной тормоз, заглушила двигатель, сложила руки на коленях и ушла во тьму, окружающую эту яркую вспышку, которую мы называем жизнью. Мой отец был потрясен смертью своего старого друга Дэйва ЛаВердье, но смерть жены погрузила его в безутешное горе.

— Ей еще жить да жить, — сказал он на её похоронах. — Кто-то в небесной канцелярии допустил чудовищную ошибку. — Не слишком красноречиво, не лучшая его речь, но он действительно пребывал в шоке.

В течение шести месяцев после её смерти папа спал внизу на раскладном диване. Наконец, по моему настоянию, мы прибрались в спальне, в которой они провели бесчисленное количество ночей. Большую часть её одежды мы отдали в благотворительный магазин "Гудвилл" в Льюистоне, который она особенно любила. Её украшения он раздал друзьям, кроме обручального и свадебного колец, которые носил в кармане джинсов до самой своей смерти.

Уборка спальни далась ему крайне тяжело (мне тоже), но когда дело дошло до её маленького кабинета, который был чуть больше кладовки, примыкавшей к прихожей, он наотрез отказался.

— Я не могу, Марк, — сказал он. — Просто не могу. Это меня сломает. Сделай сам. Упакуй её бумаги и положи их в подвал. Я просмотрю их позже и решу, что нужно сохранить.

Но, насколько мне известно, он так никогда и не взглянул на них. Эти коробки до сих пор стоят там, где я их оставил, под столом для настольного тенниса, в который никто не играет с тех пор, как мы с мамой устраивали там "зарубы". Мама красочно ругалась всякий раз, когда я наносил

[179] Сируа-Хилл упоминается также в "Возрождении" и "Теле" С.Кинга

удар, с которым она не могла справиться. Убираться в её маленькой "комнатке для размышлений", как она её называла, было тяжко. Смотреть на пыльный стол для настольного тенниса с обвисшей зелёной сеткой было ещё тяжелее.

Через пару дней после необычного интервью отца с Рут Кроуфорд я вспомнил, что прежде чем войти с парой пустых коробок в мамину "комнатку для размышлений" и прибраться там, я принял валиум. Когда я добрался до нижнего ящика её стола, то нашёл там стопку блокнотов на пружине, и, открыв один из них, увидел безошибочно узнаваемый наклонный почерк своего отца. Записи в блокноте были сделаны до прорыва, после которого каждая его книга, даже первая, становилась бестселлером.

Его первые три романа, написанные ещё до того, как текстовые процессоры и компьютеры стали обычным явлением, были набраны на машинке "Ай-би-эм Селектрик"[180], которую он каждый день таскал домой из городского офиса Харлоу. Он давал мне почитать эти машинописные рукописи, и я прекрасно их помню. Там были места, где он зачёркивал слова и добавлял другие между строк, места, где он прочерчивал ручкой пару абзацев, если те были слишком длинными — так делали до появления кнопки удаления. Иногда он использовал клавишу "x", и "Прекрасный чудесный день" превращался "xxxxxxxxx чудесный день".

Почему я рассказываю об этом? Потому что в готовых рукописях "Грозовой бури", "Ужасного поколения" и "Шоссе 19" было мало зачёркиваний и исправлений. Блокноты на пружине, напротив, были полны вычёркиваний, причем на некоторых страницах их было так много, что трудно было прочесть текст. Другие страницы были полностью зачеркнуты, как будто в ярости. На полях были проставлены заметки вроде "Что будет с Томми?" и "Не забудь про комод!!!". Всего таких блокнотов набралась дюжина, и в самом низу лежал явно пробный вариант "Грозовой бури". Он не был ужасным... но и не был особо хорошим.

Вспоминая последний вопрос Рут, а также тревожный звонок моей матери в 1978 году, я нашел коробку с архивами, содержащую те старые блокноты. Я вытащил тот, который мне был нужен, и начал читать его, сидя со скрещенными ногами под голой лампочкой.

"Шторм приближался!

Джейсон Джек стоял на крыльце и смотрел, как на западе формируются черные тучи. Гром гремел! Молнии били повсюду! Разбиваясь о землю, как тараны огня! Ветер начал дуть, завывая. Джек был сильно напуган, но он не переставал смотреть. Огонь перед дождем, подумал он. ОГОНЬ ПЕРЕД ДОЖДЕМ!"

Эти слова рождали образы, и была попытка повествования, но всё это было как-то неумело и банально. На той странице и на последующих отец старался выразить то, что видел в своем воображении. Как будто он понимал, что описывает не очень хорошо, и всё время пытался, пытался, пытался сделать лучше. Это было болезненно, потому что могло получиться... но не получалось.

Я спустился вниз и взял экземпляр "Грозовой бури" с полки в кабинете отца. Открыл первую страницу и прочитал:

---

[180] серия электромеханических пишущих машин американской компании Ай-би-эм

"Надвигался шторм.

Джек Элвей стоял на крыльце, засунув руки в карманы и наблюдая, как на западе сгущаются черные, как дым, тучи, заслоняя собой звезды. Заворчал гром. Вспышки молний озаряли облака, придавая им вид сложных узоров, как ему казалось. Ветер начал усиливаться. Огонь перед дождем, подумал мальчик. Огонь перед дождем. Эта мысль приводила его в ужас, но он не мог оторвать свой взгляд".

Сравнивая плохую (но над которой явно старались) рукописную версию с окончательной версией в книге, я сначала вспомнил о фресках Буча ЛаВердье на свалке, а затем о его картине с Элвисом и Мэрилин на ярмарке, которая была продана за три миллиона долларов. Я снова подумал, что одна была бутоном, а другая — цветком.

По всей стране, да что там по стране — по всему миру, мужчины и женщины рисуют картины, пишут книги, играют на музыкальных инструментах. Кто-то посещает семинары, мастер-классы и художественные курсы. Кто-то платит личным учителям и педагогам. Плоды их трудов искренне восхищают друзей и родственников, которые говорят что-то вроде "Ух ты, как здорово!", а затем забывают о них. Когда я был ребенком, то всегда наслаждался рассказами своего отца. Они меня завораживали, и я думал: "Ух ты, как здорово, папа!" Уверен, что люди, проезжавшие мимо свалки, видели дерзкие и живые фрески дяди Буча о городской жизни и думали: "Ух ты, как здорово!" и ехали дальше по своим делам. Потому что всегда кто-то рисует картины, кто-то рассказывает истории, кто-то играет на гитаре композицию "Зови меня ветерком"[181]. Большинство из них забываются. Некоторых запоминают. И лишь крайне немногие оставляют неизгладимый, неповторимый след. Почему так происходит, я не знаю. И как эти два провинциала совершили скачок от хорошего к очень хорошему, а затем к великому — этого я тоже не знал.

Но я всё-таки выяснил.

* * *

Спустя два года после краткой беседы с Рут Кроуфорд папа снова осматривал лилейники, росшие вдоль забора. Он показывал мне, как отдельные цветы стали появляться по ту сторону забора, даже на другой стороне Бенсон-стрит, когда я услышал приглушенный треск. Первым делом я решил, что он наступил на упавшую ветку. Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, с открытым ртом, и я подумал (я помню это отчетливо): вот так выглядел папа в своем детстве. Затем он наклонился вбок. Схватился за забор. Я схватил его за руку. Мы оба промахнулись. Он упал на траву и начал кричать.

Я не всегда носил с собой мобильный телефон — я не из того поколения, которое скорее забудет надеть нижнее белье, чем выйдет на улицу без телефона, — но в тот день он у меня был. Я сразу же позвонил в службу 911 и сообщил, что мне нужна скорая помощь по адресу Бенсон-стрит, 29, потому что с моим отцом произошел несчастный случай.

Я опустился на колени рядом с папой и попытался выпрямить его ногу. Он лишь вскрикнул и запротестовал: "Нет-нет-нет, это больно, Марки, это очень больно". Его лицо побелело, как

---

[181] рок-песня американского певца и гитариста Джей Джей Кейла

свежевыпавший снег, как брюхо Моби Дика[182], как амнезия. Я никогда не ощущал себя старым, вероятно, потому что человек, с которым я жил, был намного старше меня, но в тот момент я почувствовал себя глубоким стариком. Я велел себе не терять сознание. Велел себе не получать сердечного приступа. И надеялся, что машина скорой помощи Харлоу (которую в своё время оплатили мой отец с Бучем) находится поблизости, потому что скорая из Гейтс-Фоллс приедет через полчаса, а из Касл-Рока — ещё дольше.

Никогда не забуду крики отца. Слышу их до сих пор. Перед самым приездом машины скорой помощи Харлоу он потерял сознание. Это было даже облегчением. Они поместили его в машину с помощью подъёмника и отвезли в больницу Святого Стефана, где его стабилизировали — если можно стабилизировать девяностолетнего старика — и сделали рентген. У него сломалось левое бедро. Особой причины не было; это просто возраст. И это был не просто перелом, как сказал мне ортопед. Бедро словно взорвалось.

— Не уверен, как лучше поступить, — сказал доктор Патель. — Если бы он был вашего возраста, я бы, конечно, порекомендовал замену тазобедренного сустава, но у мистера Кармоди запущенный остеопороз. Его кости как стекло. Все кости. И, конечно же, он в преклонном возрасте. — Он развел руки над рентгеновскими снимками. — Решайте сами.

— Он в сознании?

Патель позвонил. Спросил. Послушал. Повесил трубку.

— Он под действием обезболивающих, но в сознании и может отвечать на вопросы. Он хочет поговорить с вами.

* * *

Даже несмотря на спад заболеваемости ковидом, свободные места в больнице Святого Стефана были на вес золота. Тем не менее, отцу выделили отдельную палату. Не только потому, что он мог за неё заплатить, но и потому, что был знаменитостью. И любимцем в округе Касл. Однажды я подарил ему футболку с надписью "ПИСАТЕЛЬ-СУПЕРЗВЕЗДА", и он с гордостью носил её.

Он уже был не таким бледным, как брюхо Моби Дика, но выглядел как тень самого себя. Его лицо было измождённым и блестело от пота. Волосы торчали в разные стороны.

— Сломал грёбаное бедро, Марки. — Его голос был чуть громче шепота. — Тот пакистанский врач говорит, что чудо, что этого не случилось на похоронах Бучи. Помнишь их?

— Конечно, помню. — Я сел рядом с ним и достал из кармана расчёску.

Он поднял руку в своём старом властном останавливающем жесте.

— Не надо, я не младенец.

— Я знаю, но ты выглядишь как безумец.

Рука упала на простыню.

---

[182] гигантский белый кит из одноименного романа Германа Мелвилла

— Ладно. Но только лишь потому, что когда-то я менял твои подгузники с дерьмом.

Я подумал, что это, скорее всего, была работа мамы, но не стал с ним спорить, а просто привёл его волосы в порядок насколько смог.

— Пап, врач пытается решить, стоит ли тебе делать замену тазобед...

— Замолчи, — сказал он. — Мои штаны висят в шкафу.

— Папа, ты никуда не поеде...

Он закатил глаза.

— Господи Иисусе, я и без тебя это знаю. Принеси мне мою связку ключей.

Я нашёл её в его левом переднем кармане под мелочью. Дрожащей рукой он поднёс её к глазам (мне было больно смотреть на эту дрожь) и стал перебирать ключи, пока не нашёл маленький серебряный.

— Этот ключ открывает нижний ящик моего стола. Если я не переживу эту хренотень...

— Пап, ты поправи...

Он снова поднял руку (теперь с ключами), повторяя свой старый властный жест.

— Если я не переживу, ты найдёшь объяснение моего успеха — и успеха Буча — в этом ящике. Всё, что интересовало ту женщину... сейчас не могу вспомнить её имя... Она бы не поверила, и ты не поверишь, но это правда. Считай это моим последним посланием миру.

— Хорошо. Я понял. А что насчёт операции?

— Ну, давай подумаем, пораскинем мозгами. Если я её не сделаю, то что меня ждёт? Инвалидное кресло? И, наверное, медсестра. Не симпатичная девушка, а здоровенный бритоголовый парень с запахом одеколона "Инглиш Лезер". Ты точно не сможешь таскать меня на своём горбу, не в твоём возрасте.

Спорить я не стал.

— Думаю, что пойду на это. Я могу умереть на операционном столе. Могу выкарабкаться, пройти шесть недель физиотерапии, а затем сломать другое бедро. Или руку. Или плечо. Бог обладает скверным чувством юмора.

Его кости были хрупки, но мозги по-прежнему прекрасно работали, даже под действием сильных обезболивающих. Я был рад, что он не стал перекладывать ответственность за решение — и его последствия — на меня.

— Я скажу доктору Пателю.

— Так и сделай, — сказал он, — и передай ему, чтобы подготовил тонну обезболивающих. Я люблю тебя, сынок.

— Я тоже тебя люблю, папа.

— Верни мне ключи, если я выкарабкаюсь. Если нет, то загляни в ящик.

— Будет сделано.

— Как звали ту женщину? Крокетт?

— Кроуфорд. Рут Кроуфорд.

— Она хотела получить ответ. Объяснение. Единой теории творчества, Боже, храни Королеву. А в итоге я подкинул ей ещё большую загадку. — Его глаза закрылись. — Что бы они мне ни дали, это, должно быть, мощное средство. Сейчас боли нет. Она вернётся, но сейчас, кажется, я смогу поспать.

Он уснул, но больше не проснулся. Сон перешёл в кому. За несколько лет до этого он подписал отказ от реанимации в случае остановки сердца или дыхания. Я сидел у его кровати и держал его за руку, когда его сердце остановилось в 9:19 на следующий вечер. О нем даже не написали некролог в "Нью-Йорк Таймс", потому что в ту же ночь в автокатастрофе погиб бывший госсекретарь. Папа бы сказал, что эта история стара как мир: и в смерти, и в жизни политика почти всегда доминирует над искусством.

* * *

На похороны в баптистскую церковь Грейс пришли почти все жители Харлоу, а также представители прессы. Рут Кроуфорд приехать не смогла, так как была занята в Калифорнии, но прислала цветы и приятную записку с соболезнованиями. К счастью, директор похоронного бюро знал, что будет много народа, поэтому установил на церковной лужайке колонки для тех, кому не хватило места внутри. Он даже предложил повесить экраны для видеотрансляции, но я отказался, сказав, что это похороны, а не рок-концерт. Служба у могилы была короче и менее людной, и когда через неделю я пришёл с цветами (лилейниками, конечно), я был в полном одиночестве — последний лист на семейном древе Кармоди, теперь становящийся осенне-коричневым. Sic transit gloria mundi[183].

Я опустился на колени, чтобы поставить вазу у надгробия.

— Привет, папа, у меня есть ключ, который ты мне дал. Я выполню твою последнюю волю и открою тот ящик, но если там найдётся хоть что-то, что объясняет ваш успех, я буду... как ты обычно говорил в таких случаях?... обезьяним яичком[184].

* * *

Первое, что я нашел в ящике, была папка из манильской бумаги. Либо этот хитрый лис всё-таки не отказался от своего ноутбука, либо попросил кого-то в библиотеке распечатать для него материал, потому что сверху лежала распечатка статьи из журнала "Тайм" от 23 мая 2022 года. Заголовок гласил: "НАКОНЕЦ-ТО КОНГРЕСС НАЧАЛ ВОСПРИНИМАТЬ НЛО ВСЕРЬЁЗ".

Я пробежался глазами и узнал, что в наши дни НЛО называются НВЯ (неопознанные воздушные явления). Слушания в Конгрессе под председательством Адама Шиффа были первыми по

---

[183] с латыни "Так проходит слава мирская"

[184] В начале и середине двадцатого века обезьяньи тестикулы пересаживали пожилым состоятельным людям для продления молодости

данной теме за последние пятьдесят лет, со времен проекта "Синяя книга"[185], и все свидетели подчеркивали, что в центре внимания были не маленькие зелёные человечки с Марса или откуда-то ещё. Все заявляли, что хотя внеземное происхождение кораблей нельзя исключать, оно считается крайне маловероятным. Их беспокоила вероятность того, что какая-то другая страна — Россия, Китай — разработала гиперзвуковую технологию, значительно превосходившую американскую.

Под распечаткой лежали пожелтевшие и слегка ломкие вырезки из газет, датированные сентябрем и октябрем 1978 года. Одна из вырезок из "Пресс Геральд" была озаглавлена "ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ ЗАМЕЧЕНЫ НАД МАРДЖИНАЛ-УЭЙ". Вырезка из "Касл-Рок Колл" гласила: "НЛО В ФОРМЕ СИГАРЫ ЗАМЕЧЕН НАД КАСЛ-ВЬЮ"[186]. Там была фотография Вью с ржавой "Лестницей самоубийц"[187] (давно исчезнувшей, как и настенные росписи моего дяди Буча на свалке), зигзагообразно поднимавшейся вверх по склону. Однако на фото не было запечатлено никаких следов летающей "Белой Совы"[188].

Под папкой с вырезками лежал блокнот на пружине. Я открыл его, ожидая увидеть ещё одно из ранних произведений отца — возможно, набросок "Ужасного поколения" или "Шоссе 19". Это был, несомненно, его почерк, с наклоном влево, однако я не увидел ни зачеркиваний, ни каракулей, ни мучительных попыток найти способ выразить свою мысль. Это ничуть не походило на его ранние записные книжки, которые я обнаружил после смерти матери. Это был Лэрд Кармоди, полностью контролировавший свой писательский талант, хотя некоторые буквы были выведены неуверенной рукой. Мне показалось, что этот текст был написан уже после его ухода на пенсию.

Папа был уважаемым романистом, известным своим умением рассказывать истории, и мне понадобилось прочитать всего три страницы, чтобы понять, что это ещё одна выдуманная история, хотя и с реальными людьми — Лэрдом Кармоди и Дейвом ЛаВердье — в качестве вымышленных персонажей. Метапроза[189], другими словами. Это не редкость; многие прекрасные писатели экспериментировали с этим концептом (или, наверное, это можно назвать причудой). Дейв точно не возражал бы, думал папа, потому что его старый друг уже был на том свете. Утверждения папы в больничной палате, что всё это правда, были вызваны, очевидно, действием наркотиков и боли. Такое случается. Разве в конце своей жизни Натаниель Готорн[190] не путал себя с преподобным Димсдейлом, а Эмили Дикинсон не покинула этот мир со словами: "Я должна войти, чтобы туман рассеялся"?

Мой отец никогда не писал ни фантастику, ни метапрозу, а здесь было и то, и другое, но он всё равно использовал свои старые писательские трюки и приёмы. Я сразу же увлекся и на одном

---

[185] Проект "Синяя книга" — один из серии проектов систематических исследований поступающих сообщений о неопознанных летающих объектах, проводившихся ВВС США в середине XX века. Начался в 1952 году и прекращен в конце 1969 года

[186] Касл-Вью — вымышленный городок недалеко от Касл-Рока в произведениях С. Кинга, упоминается, например, в "Необходимых вещах"

[187] "Лестница самоубийц" — дорога, ведущая из Касл-Рока на Касл-Вью. Почему она так называется, объясняется в романе С.Кинга "Гвенди и её шкатулка"

[188] "Белая сова" — марка сигар машинного производства

[189] Метапроза — литературное произведение, которое подчеркивает свою структуру повествования таким образом, что напоминает аудитории, что та читает или смотрит вымышленное произведение

[190] Натаниель Готорн — американский писатель и литератор, один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы, Димсдейл — герой его романа "Алая буква"

дыхании дочитал до конца. И не только потому, что знал людей и пейзажи Харлоу. Лэрд Кармоди всегда умел рассказывать истории, это признавали даже его самые строгие и суровые критики, и эта история была хороша. Но правдива ли она была?

У меня были глубокие сомнения.

2

В давние времена, когда мы с Бучем управляли городской свалкой, у нас был "Вторник бомжа". Это была идея Буча (у нас также была "Крысиная суббота", но это уже другая история).

— Если они собираются рыться в мусоре, — сказал Буч, — то пусть у них будет определённый день для этого, и мы могли бы присматривать за ними, чтобы какой-нибудь пьянчужка или торчок не порезал себе ногу и не подхватил гангрену.

Одного старого алкаша, который появлялся по вторникам чаще других, звали Ренни Лакасс. Он был из тех, кого в Мэне называют "трещоткой". Наверное, он болтал даже во сне. Всякий раз, когда он заводил разговор про былые времена, то начинал с фразы: "Та картинка никогда не сотрётся из моей памяти".

У меня были такие же ощущения относительно нашей поездки на охоту в 1978 году, которая до неузнаваемости изменила наши жизни. Эти картинки никогда не сотрутся из моей памяти.

* * *

Мы выехали 11 ноября 1978 года, в субботу, и планировали вернуться 17 или 18 числа, возможно, раньше, если подстрелим оленя. В этом случае у нас было бы достаточно времени, чтобы разделать его в мясной лавке Ордвея в Гейтс-Фолс. Всем нравилась оленина на День благодарения, особенно Марку, который должен был вернуться из колледжа 21-го числа.

Ещё в начале пятидесятых мы с Бучем скинулись и купили армейский джип "Виллис". К 1978 году эта колымага всё ещё идеально подходила для того, чтобы загрузить в неё наше снаряжение и продукты и отправиться в лес. Шейла каждый год говорила мне, что "НеллиБель"[191] обязательно сломается где-нибудь в Тридцатимильном лесу, но этого так и не случилось. Мы ездили на этом "Виллисе" до тех пор, пока Буч не укатил на запад. Но после 1978 года мы нечасто ездили на охоту. Даже старались избегать этой темы. Хотя думали об этом, конечно. Трудно было не думать. К тому времени я уже продал свою первую книгу, а Буч зарабатывал деньги, рисуя комиксы и графические романы. Не такие деньги, какие свалятся на него позже, но, как сказал бы Ренни Лакасс, по меркам нашей деревни вполне приличные.

Я поцеловал Шейлу, Буч обнял её, и мы отправились в путь. Чапел-роуд вывела нас на Семетери-роуд, а затем на три лесные дороги, каждая из которых была более заросшей, чем предыдущая. К тому времени мы уже углубились в Тридцатимильный лес и вскоре услышали ручей Джиласи-Крик. Обычно он издавал безобидные хихикающие звуки, но то лето и осень выдались дождливыми, и старый Джиласи грозно ревел.

---

[191] "НеллиБель" — прозвище джипа в американском телесериале "Шоу Роя Роджерса"

— Надеюсь, мост ещё на месте, — сказал Буч.

Мост стоял на месте, но немного накренился на правый борт. К одной из опор была прибита жёлтая табличка с единственным словом "НЕБЕЗОПАСНО". Весной следующего года мост полностью смоет. После этого для того, чтобы переправиться через Джиласи, нужно было проехать двадцать миль вниз по течению. Практически до самого Бетела.

Мы и без таблички всё понимали. Уже несколько лет мы не решались проехать по этому мосту, а в тот день не были уверены, что осмелимся перейти его пешком.

— Ну, — произнёс Буч, — будь я проклят, если проеду двадцать миль по шоссе 119, а потом двадцать миль обратно.

— Тебя точно остановит коп, если ты попытаешься, — сказал я и хлопнул по боку "Виллиса". — На "НеллиБель" нет талона техосмотра с 1964 года.

Он схватил свой рюкзак и спальный мешок и подошёл к краю старого деревянного моста. Там он остановился и оглянулся.

— Ты идёшь?

— Думаю, я постою и посмотрю, переберёшься ли ты, — ответил я. — Если мост рухнет, я тебя выловлю. А если течение унесёт тебя раньше, чем я успею, то помашу тебе на прощание. — На самом деле я не хотел, чтобы мы оба оказались на мосту одновременно. Не надо испытывать судьбу.

Буч пошёл через мост. Сквозь шум ручья я слышал стук его ботинок. Когда он перебрался на другой берег, то сложил своё снаряжение, спустил штаны и показал мне зад.

Когда я переходил через мост, то чувствовал, как он дрожит, словно был живым и испытывал боль. Мы вернулись назад — по одному, конечно — и достали коробки с продуктами. В них было полно еды: тушёнка "Динти Мур", консервированный суп, сардины, яйца, бекон, контейнеры с пудингом, кофе, куча хлеба "Вондер Брэд", две упаковки из шести банок пива и наша ежегодная бутылка "Джека Дэниелса". А также пара тибон-стейков[192]. В те дни мы много ели, хотя и не совсем здоровую пищу. В последний переход через мост мы взяли с собой наши ружья и аптечку. Она была увесистой. Мы оба являлись членами добровольной пожарной дружины Харлоу, и прохождение курса первой медицинской помощи было обязательным условием. Шейла настояла на том, чтобы мы захватили на охоту аптечку, потому что в лесу, бывает, происходят несчастные случаи. Иногда серьёзные и очень неприятные.

Когда мы накрывали "НеллиБель" брезентом, чтобы её не залило дождем, Буч сказал:

— Сейчас кто-нибудь из нас наверняка свалится в воду, вот увидишь.

Но, слава Богу, мы не свалились, хотя в тот последний переход нам пришлось идти вместе, держа аптечку с обеих сторон, которая весила фунтов тридцать и была размером с солдатский сундучок. Мы обсуждали, не оставить ли ее в джипе, но в итоге не оставили.

---

[192] тяжелый и сытный стейк, который получил свое название за Т-образную косточку

На дальней стороне моста была небольшая поляна. Она могла бы стать отличным местом для рыбалки, если бы Джиласи не протекал через Мексико и Рамфорд[193], прежде чем прибыть к нам, и любая пойманная рыба не была бы ядовита из-за стоков с текстильных фабрик. За поляной начиналась заросшая тропинка, которая находилась в четверти мили от нашей хижины и вела к ней. В то время хижина была ещё аккуратной, с двумя спальнями, кухней с дровяной печью в главной комнате и компостным туалетом на заднем дворе. Электричества, естественно, не было, но была небольшая насосная станция для воды. Короче, было всё, что могло понадобиться паре опытных охотников.

К тому времени, когда мы затащили в домик весь наш груз, уже почти стемнело. Я приготовил ужин (Буч всегда был готов внести свою лепту в общее дело, но, как говорила моя Шейла, этот человек умудрялся сжечь даже воду), а Буч развел огонь в камине. Я устроился поудобнее с книгой — нет ничего лучше Агаты Кристи, когда находишься в лесу, — а у Буча был альбом для рисования "Стратмор", который он наполнял карикатурами, шаржами и лесными пейзажами. Его фотоаппарат "Никон" лежал на столе рядом с ним. Наши ружья стояли в углу, они были не заряжены.

Мы, как всегда, немного поболтали, немного о прошлом и немного о наших надеждах на будущее. К тому времени эти надежды уже угасали (мы были в раннем среднем возрасте), но в лесу они всегда казались чуть более реальными, чуть более достижимыми, в лесу, где всегда было так тихо и жизнь казалась менее... загруженной? Не совсем верное слово. Менее захламленной. Никаких телефонных звонков и никаких пожаров — как в прямом, так и в переносном смысле, — которые нужно тушить. Думаю, мы ходили в лес даже не поохотиться, хотя если олень попадал в поле нашего зрения, разве мы могли от него отказаться? Думаю, мы отправлялись туда, чтобы быть лучше. Ну... может, честнее. С Шейлой я всегда старался быть лучше.

Помню, как в ту ночь я лег спать, натянув одеяло до подбородка, и слушал, как ветер вздыхает в кронах деревьях. Помню, я думал, что угасание надежд и амбиций прошло для меня в целом безболезненно. Это было и хорошо, и ужасно. Я хотел стать писателем, но начинал думать, что стать хорошим писателем мне уже не суждено. Мир всё равно продолжит вращаться. Вы расслабляете руку... разжимаете пальцы... и что-то улетает. Помню, как думал, что, может, это нормально.

За окном сквозь качающиеся ветви виднелись звезды.

Эта картина никогда не сотрётся из моей памяти.

* * *

12-го числа мы надели свои оранжевые жилеты и шапочки и отправились в лес. Утром мы разделились, а в обед собрались вместе, чтобы поесть и обсудить, что видели, а чего — нет. В тот первый день мы вернулись в хижину, и на обед я приготовил большую кастрюлю макарон с сыром и полфунта бекона (я называл это венгерским гуляшом, но любой уважающий себя венгр, взглянув на эту похлёбку, закрыл бы глаза от тоски). Во второй половине дня мы охотились вместе.

[193] города в штате Мэн

На следующий день мы устроили пикник на поляне, глядя на "НеллиБель" через ручей, который в тот день больше напоминал реку. Буч приготовил бутерброды — это ему можно было доверить. Мы пили сладкую воду из колодца, а на десерт у нас были фруктовые пироги "Хостесс": черничные для меня, яблочные для Буча.

— Встречал оленей? — спросил Буч, облизывая глазурь с пальцев. Ну... эти пироги не совсем глазированные, но в них есть вкусная глазурь.

— Не-а. Ни вчера, ни сегодня. Но ты же знаешь, как говорят старожилы: олени знают, когда наступает ноябрь, и прячутся.

— Вообще-то думаю, что в этом есть зерно правды, — молвил Буч. — Они действительно любят исчезать после Хэллоуина. А выстрелы слышал?

Я задумался.

— Пару выстрелов вчера. Сегодня — ни одного.

— Хочешь сказать, что мы — единственные охотники в Тридцатимильном лесу?

— Господи, нет, конечно. В лесу между этим местом и озером Дарк-Скор, наверное, лучшая охота в округе, ты же знаешь. Сегодня утром я видел пару парней вскоре после того, как вышел из хижины, хотя они меня не заметили. Кажется, один из них был тот дурачок Фредди Скиллинс. Тот, который любит называть себя плотником.

Буч кивнул.

— Я был на горбатом хребте и увидел троих мужчин на другой стороне. Они были одеты как модели из каталога "Эл-эл-Бин"[194] и были с винтовками с оптическими прицелами. Наверняка, приезжие. И на каждого, кого мы видим, есть, наверное, еще пять-десять человек. Должно быть много выстрелов, ведь не все же олени решили сбежать в Канаду, так?

— Маловероятно, — ответил я. — Олени где-то там, Бучи.

— Тогда почему мы их не видим? И послушай!

— Что я должен послушать...

— Просто заткнись на минуту и услышишь. Точнее, ничего не услышишь.

Я заткнулся. Я слышал рев Джиласи, несомненно, подмывавший опоры моста, пока мы сидели на траве и доедали последние кусочки фруктовых пирогов. Я слышал далекий гул самолета, вероятно, направлявшегося в Портлендский аэропорт. И больше ничего.

Я посмотрел на Буча. Он смотрел на меня без улыбки. Серьезный.

— Ни одной птицы, — заметил я.

— Да. А в лесу их должно быть полно.

---

[194] "Эл-эл-Бин" — американская компания, известная своей одеждой и снаряжением для активного отдыха

В этот момент громко каркнула ворона.

— Ну вот, — сказал я, почувствовав облегчение.

— Одна ворона, — сказал он. — Большое событие. А где малиновки?

— Улетели на юг?

— Еще нет, не все. Мы должны слышать поползней и кардиналов. Может быть, щеглов и синиц. Но не слышно даже чертового дятла.

Обычно я не обращаю внимания на звуки леса — привык уже к ним, — но теперь, когда он указал на это... действительно где же все птицы? И еще кое-что.

— Белки, — сказал я. — Они должны бегать повсюду, готовясь к зиме. Вроде бы я видел парочку... — Я запнулся, потому что даже в этом не был уверен.

— Это инопланетяне, — произнёс Буч тихим, шутливо-зловещим голосом. — И прямо сейчас они подкрадываются к нам через лес. Со своими дезинтеграторными лучевыми пушками.

— Ты читал ту статью в "Колл", — сказал я. — Ту, про летающую тарелку.

— Это была не тарелка, а сигара, — заметил Буч. — Летающая сигара.

— Типарилло[195] с планеты X, — сказал я.

— Со страстью к земным женщинам!

Мы посмотрели друг на друга и захихикали.

* * *

В тот день у меня родилась идея для рассказа — позже он превратится в роман под названием "Ужасное поколение", — и вечером я начал делать кое-какие пометки в своем блокноте на спирали. Я пытался придумать хорошее имя для молодого человека-злодея, который был центральной фигурой истории, когда дверь хижины с грохотом распахнулась, и в дом вбежал Буч.

— Пошли, Лэр. Ты должен это увидеть. — Он схватил фотокамеру.

— Что увидеть?

— Просто пошли!

Я взглянул на его широко раскрытые глаза, отложил блокнот и последовал за ним к выходу. Пока мы шагали четверть мили к поляне и ручью, он рассказал мне, что вышел проверить, увеличился ли наклон моста (мы бы услышали, если бы он полностью рухнул). Затем он заметил что-то в небе и забыл про мост.

— Смотри, — сказал он, когда мы добрались до поляны, и указал наверх.

---

[195] Типарилло — это более короткая, тонкая и мягкая версия сигары с пластиковым кончиком

Начался дождь, моросящий дождик, похожий на мелкий туман. Было уже совсем темно, и по идее я не должен был видеть низко нависшие облака, но видел, потому что их освещали медленно движущиеся круги яркого света. Пять, потом семь, затем девять. Они были разных размеров. Самый маленький был, наверное, тридцать футов в поперечнике. Самый большой достигал сотни. Они не светили на облака, как это делает яркий прожектор или мощный фонарь, они были в самих облаках.

— Что это? — спросил я почти шепотом.

— Не знаю, но точно не Типарилло.

— И не Белая Сова, — сказал я, и мы рассмеялись. Но не так, как смеются над чем-то смешным, а нервным смешком, так, как смеются, когда ошарашены.

Буч делал снимки. Это было за много лет до того, как революционные технологии начнут моментально выдавать фото, однако позже, когда он проявил фотографии в своей маленькой темной комнатке, я просмотрел их. Они разочаровали. Просто большие круги света над темными неровными контурами верхушек деревьев. С тех пор я видел много фотографий НЛО (или НВЯ, если вам так больше нравится), и они всегда разочаровывали: размытые формы, которые могли быть чем угодно, в том числе подделками мистификаторов. Нужно было оказаться там, чтобы понять, насколько это было удивительно, чудесно и странно: огромные беззвучные огни, движущиеся в облаках, словно танцующие вальс.

Что я помню наиболее отчетливо — помимо чувства благоговения — так это то, что в течение тех пяти или десяти минут мое сознание разделилось, а чувства смешались. Я хотел узнать, откуда исходят эти огни... и в то же время не хотел. Я боялся, что мы находимся рядом с артефактами — возможно, даже разумными существами — с другой планеты. Это воодушевляло меня, но одновременно и пугало. Вспоминая тот первый контакт с чем-то внеземным (а это, безусловно, было так), думаю, у нас было только два выбора: смеяться или кричать. Будь я один, то почти наверняка закричал бы. И убежал бы, вероятно, спрятался бы под кровать, как ребенок, и отрицал бы, что что-то видел. Но поскольку мы были вместе, двое взрослых мужчин, то мы засмеялись.

Я говорю, что это длилось пять-десять минут, но могло быть и дольше. Я не знаю. За это время морось перешла в настоящий дождь. Два ярких круга уменьшились и исчезли. Затем исчезли еще два или три. Дольше всех оставался самый большой, но потом и он начал уменьшаться. Он не двигался из стороны в сторону; просто уменьшился до размеров тарелки, потом до пятидесятицентовика, потом до пенни, потом до блестящей точки... и исчез. Будто резко взмыл прямо вверх.

Мы стояли под дождем, ожидая, что будет дальше. Но ничего не происходило. Через какое-то время Буч схватил меня за плечо. Я вскрикнул.

— Извини, извини, — пробормотал он. — Пойдем в дом. Световое шоу закончилось, а мы промокаем.

Мы зашли в дом. Перед выходом я не удосужился набросить куртку, поэтому сразу же развел огонь, который уже почти угас, и снял с себя мокрую рубашку. Я растирал руки и дрожал.

— Если мы расскажем людям, что видели, то нам не поверят, — сказал Буч. — Или просто пожмут плечами и скажут, что это было какое-то странное погодное явление.

— Может, так оно и было. Или... как далеко отсюда аэропорт Касл-Рока?

Он пожал плечами.

— Должно быть, двадцать или тридцать миль к востоку отсюда.

— Может, это были огни взлетно-посадочной полосы... может, из-за облаков... влажности... какой-то преломляющий эффект...

Он сидел на диване, положив камеру на колени, и смотрел на меня. Слегка улыбаясь. Не произнося ни слова. Ему и не нужно было их произносить.

— Но ведь это же чушь, да? — сказал я.

— Да. Я не знаю, что это было, но это точно были не огни аэропорта и не чёртов метеозонд. Там было восемь или десять этих штук, может, дюжина, и они были большими.

— В лесу есть и другие охотники. Я видел Фредди Скиллинса, а ты видел трех парней, которые, вероятно, были приезжими. Они тоже могли это видеть.

— Может, и видели, но что-то я сомневаюсь. Я просто оказался в нужном месте — на поляне у края ручья — и в нужное время. В любом случае, всё закончилось. Я пошел спать.

* * *

Весь следующий день лил дождь, это было 14-е число. Никому из нас не хотелось выходить на улицу и мокнуть в поисках оленей, которых мы, скорее всего, даже не найдем. Я читал и немного работал над своей идеей для рассказа. Я всё пытался придумать хорошее имя для плохого парня, но безуспешно, возможно, потому что у меня не было чёткого представления о том, почему он плохой. Буч провёл большую часть утра со своим блокнотом. Он нарисовал три разных рисунка огней в облаках, а потом с отвращением забросил их.

— Надеюсь, фотографии получатся, потому что эти рисунки — отстой, — сказал он.

Я взглянул на них и сказал, что они хорошие, но это было неправдой. Они не были отстойными, но совершенно не передавали странную и необычную атмосферу того, что мы вчера увидели. Масштаб.

Я посмотрел на все вычеркнутые предполагаемые имена моего злодея. Триг Адамс. Нет. Вик Элленби. Нет. Джек Клэггарт. Слишком очевидно. Картер Кантвелл. Фу. История, которую я задумал, была какой-то аморфной: имелась идея, но не было конкретики. Зацепиться было не за что. Это напомнило мне о том, что мы видели прошлым вечером. Там что-то было, но что именно, сказать было невозможно, потому что оно было в облаках.

— Что делаешь? — спросил меня Буч.

— Страдаю фигнёй. Наверное, пойду вздремну.

— А как же обед?

— Не хочу.

Он задумался, затем посмотрел в окно на непрекращающийся дождь. Нет ничего холоднее ноябрьского дождя. Мне пришло в голову, что кто-то должен написать об этом песню... и, в конце концов, кто-то действительно написал[196].

— Вздремнуть — это как раз то, что нужно, — сказал Буч. Он отложил блокнот и встал. — Знаешь, Лэр, я буду рисовать до конца жизни, но так и не стану художником.

* * *

Дождь прекратился только в четыре часа дня. К шести облака разошлись, и нам открылись звезды и кусочек луны — "Божий ноготок", как говорят старожилы. Мы поужинали стейками (а хлебом "Вондер Брэд" собирали сок от них и поглощали его), а потом вышли на поляну. Мы не говорили о произошедшем вчера, просто направились туда снова. Стояли там, наверное, с полчаса, задрав головы. Не было ни огней, ни тарелок, ни летающих сигар. Затем вернулись домой, Буч нашел колоду карт "Байсикл" в шкафчике гостиной, и мы играли в криббедж[197] почти до десяти часов.

— Я слышу Джиласи даже отсюда, — сказал я, когда мы закончили последнюю партию.

— Знаю. От этого дождя мосту только хуже. Зачем вообще нужен этот чертов мост? Ты никогда не задавался этим вопросом?

— Думаю, в шестидесятых у кого-то родилась идея застройки. Или это лесозаготовщики. Наверное, они вырубили эти леса ещё до Первой мировой войны.

— Как смотришь на то, чтобы поохотиться ещё денёк и вернуться?

Мне пришло в голову, что он думает о чем-то большем, чем просто о возвращении домой (причём, скорее всего, с пустыми руками). Что-то изменилось в нем, после того как он увидел эти огоньки в облаках. Возможно, что-то изменилось в нас обоих. Я не хочу называть это моментом прозрения. Просто иногда вы видите что-то, огни в небе или какую-то тень в определённое время дня и то, как она ложится поперек вашего пути. И воспринимаете это как знак свыше и решаете двигаться дальше. Говорите себе: да, я был ребёнком, говорил как ребёнок, понимал как ребёнок, думал как ребёнок, но приходит время оставить детские забавы.

А, может, я всё это нафантазировал.

— Лэр?

— Конечно. Ещё один день, потом вернёмся. Мне нужно очистить водостоки, пока не выпал снег, а я всё откладываю.

* * *

---

[196] имеется в виду песня "Ноябрьский дождь" группы "Ганз-эн-Роузес"
[197] Криббедж — карточная игра для 2 игроков, популярная в Англии и США

Следующий день выдался прохладным, ясным и идеальным для охоты, но мы не увидели ни одного белохвостого оленя. Я не слышал пения птиц, только изредка каркали вороны. Я внимательно смотрел по сторонам в поисках белок, но не заметил ни одной. Даже бурундуков не было, а лес должен был кишеть ими. Я услышал несколько выстрелов, но они прозвучали далеко, возле озера, и охотники стреляли не обязательно по оленям. Иногда ребятам становится скучно, и они выпускают пару патронов, особенно если понимают, что дичь не спугнуть.

Мы встретились в хижине за обедом, а затем вместе вышли на природу. Мы уже не надеялись найти оленей и не нашли их, но это был прекрасный день для прогулки на свежем воздухе. Мы прошли вдоль ручья около мили, затем сели на поваленное дерево и открыли банки с пивом "Будвайзер".

— Это как-то ненормально, — заметил Буч. — И мне это совсем не нравится. Я бы предложил уехать сегодня, но пока мы загрузимся, уже стемнеет, а я не доверяю фарам "НеллиБель" на этих лесных дорогах.

Вдруг поднялся ветер, зашумел листвой на деревьях. От этого звука я вздрогнул и оглянулся через плечо. Буч тоже. Затем мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Нервничаешь? — спросил я.

— Чуть-чуть. Помнишь, как мы на спор пошли в старый дом Спайера? Это было в 1946 году, кажется?

Я вспомнил. Старик Спайер вернулся с Окинавы[198] с выбитым глазом и разнес себе голову из ружья в своей гостиной. Об этом шумел весь город.

— Все считали его дом — домом с привидениями, — сказал я. — Сколько нам тогда было? Тринадцать?

— Наверное. Мы зашли в тот дом и что-то взяли оттуда как доказательство, что были там.

— Я взял картину. Какой-то старый пейзаж, просто сорвал со стены. А ты?

— Грёбаную подушку с дивана, — ответил он и рассмеялся. — Глупость какая! Я вспомнил дом Спайера, потому что сейчас чувствую что-то похожее на то, чувствовал тогда. Ни оленей, ни птиц, ни белок. Может, в его доме не было привидений, но этот лес... — Он пожал плечами и отпил немного пива.

— Мы можем уехать сегодня. Эти фары, наверное, будут в порядке.

— Нет. Завтра. Соберём вещи сегодня вечером, ляжем пораньше спать и уедем с первыми лучами солнца. Если ты согласен.

— Согласен.

---

[198] Битва за Окинаву — операция по захвату японского острова Окинава войсками США при поддержке американского и британского флотов

Всё в нашей жизни сложилось бы совершенно по-другому, если бы тогда мы доверились фарам "НеллиБель". Иногда мне кажется, что мы уехали тем вечером. Иногда мне кажется, что существуют Теневой Лэрд и Теневой Буч, которые прожили теневые жизни. Теневой Буч не уехал в Сиэтл, а Теневой Лэрд не написал ни одного романа, не говоря уже о дюжине. Эти тени были порядочными людьми, которые жили ничем не примечательной жизнью в Харлоу. Они управляли свалкой, владели транспортной компанией, занимались городскими делами, как полагается: чтобы на городском собрании в марте сходился бюджет и чтобы было меньше жалоб от консерваторов, которые мечтали вернуть "Бедную ферму"[199]. Теневой Буч женился на девушке, с которой познакомился в боп-баре в Льюистоне, и завел ораву теневых детишек.

Теперь я говорю себе, что хорошо, что этого не случилось. Буч говорил себе то же самое. Я знаю, потому что мы общались друг с другом об этом по телефону, а позже по "Скайпу" или "ФейсТайм". Всё было хорошо. Несомненно. Мы стали знаменитыми. Мы стали богатыми. Наши мечты сбылись. В этом нет ничего плохого, и если у меня когда-то возникали сомнения по поводу того, правильно ли сложилась моя жизнь, то разве не у всех так бывает?

Ведь так же?

* * *

В тот день ужин готовил Буч. Он просто бросил в кастрюлю кучу остатков еды и назвал своё варево рагу. Мы ели его с хлебом и запивали колодезной водой, которая, честно говоря, была лучшей частью трапезы.

— Я больше никогда не дам тебе готовить, — сказал я Бучу, когда мы мыли посуду.

— Ловлю на слове, — парировал он.

Мы собрали все вещи и сложили их у двери. Буч слегка пнул большую аптечку.

— Зачем мы вечно таскаем эту штуковину?

— Потому что на этом настаивает Шейла. Она уверена, что кто-то из нас упадет в яму и сломает ногу или кого-то из нас подстрелят. Вероятно, приезжий с винтовкой с оптическим прицелом.

— Чепуха. Думаю, она просто суеверная. Верит, что единственный раз, когда мы не возьмём с собой аптечку, станет тем самым разом, когда она нам понадобится. Хочешь пойти посмотреть ещё раз?

Мне не нужно было спрашивать, что он имел в виду.

— Почему бы и нет.

Мы пошли на поляну посмотреть на небо.

* * *

Огоньков мы не увидели, но на мосту что-то было. Вернее, кто-то. На досках лицом вниз лежала женщина.

---

[199] ферма, содержащаяся за государственный счет для поддержки и трудоустройства нуждающихся людей

— Какого хрена? — вымолвил Буч и побежал на мост. Я последовал за ним. Мне не нравилось, что мы втроём находимся на мосту одновременно, да еще так близко друг к другу, но нельзя было оставлять её там, лежащей без сознания, а возможно, и мёртвой. У неё были длинные чёрные волосы. Вечер была ветреным, и я заметил, что когда дул ветер, её волосы раздувались одним пучком, как будто пряди были склеены. Не тонкие разлетающиеся пряди, а только этот пучок.

— Хватай её за ноги, — велел Буч. — Надо убрать её, пока этот чёртов мост не рухнул в чёртов ручей. — Он был прав. Я слышал, как скрипят опоры и как грохочет Джиласи, полноводный от дождя.

Я взял её за ноги. На ней были сапоги и вельветовые брюки, и в ней было что-то странное. Но было темно, мне было страшно, и всё, чего я хотел, — это почувствовать твёрдую почву под ногами. Буч поднял её за плечи и вскрикнул от отвращения.

— Что? — спросил я.

— Неважно, давай быстрее!

Мы перетащили её с моста на поляну. Всего шестьдесят футов, но казалось, что прошла целая вечность.

— Положи её, положи. Господи! Господи, Боже мой!

Буч уронил верхнюю часть её тела, и она рухнула лицом вниз, но он даже не обратил на это внимания. Он скрестил руки и начал тереть ладонями подмышки, как будто хотел избавиться от чего-то противного и неприятного.

Я начал опускать её ноги и застыл, не веря своим глазам. Мои пальцы, казалось, погрузились в её сапоги, словно они были из глины, а не из кожи. Я выдернул руки и тупо уставился на следы на пальцах. Следы постепенно исчезали.

— Боже мой!

— Это как... чёрт, как будто она сделана из пластилина или чего-то подобного.

— Буч.

— Что? Чёрт побери, что?

— Её одежда — это не одежда. Это как... боди-арт. Или камуфляж. Или ещё какая-то чертовщина.

Он наклонился к ней.

— Слишком темно. У тебя есть...

— Фонарик? Нет. Не взял его. Её волосы...

Я дотронулся до её волос, потом резко отдёрнул руку. Это были не волосы. Это было что-то твёрдое, но податливое. Не парик, но что-то искусственное. Я не знал, что это такое.

— Она мертва? — спросил я. — Мертва же...

Но в этот момент женщина сделала долгий хриплый вдох. Её нога дёрнулась.

— Помоги мне её перевернуть, — сказал Буч.

Я взял её ногу, стараясь не обращать внимания на эту странную гибкость. В моей голове, как метеор, промелькнула мысль о Гамби[200]. Буч схватил её за плечо. Мы перевернули её. Даже в темноте было видно, что она молода, красива и жутко бледна. Мы заметили ещё кое-что. Её лицо было лицом манекена из универмага, гладкое и без морщин. Глаза были закрыты. Только у её век был цвет — цвет синяка.

"Это не человек", — подумал я.

Она сделала ещё один хриплый вдох. Он, казалось, зацепился за что-то в её горле, когда она выдыхала. Больше она не сделала ни одного вдоха.

Будь я один, наверное, я бы застыл на месте и дал бы ей умереть. Её спас Буч. Он упал на колени, двумя пальцами раскрыл ей челюсть и приложил свой рот к её рту. Зажал ей нос и вдохнул в неё воздух. Её грудь поднялась. Буч повернул голову в сторону, сплюнул и сделал ещё один глубокий вдох. Он снова вдохнул в неё воздух, и её грудь снова поднялась. Он поднял голову и уставился на меня, выпучив глаза.

— Это как целовать пластик, — сказал он и снова принялся за дело.

Пока он склонялся над ней, женщина открыла глаза и посмотрела на меня. Когда Буч отстранился, она сделала ещё один хриплый, горловой, гортанный вдох.

— Аптечка, — сказал Буч. — ЭпиПен. И "Иноген". Быстрее! Принеси, чёрт возьми!

Я покачнулся на ногах, и на мгновение мне показалось, что я грохнусь в обморок. Я шлёпнул себя по лицу, чтобы прийти в себя, и побежал к хижине. "Она, оно, что бы это ни было, умрёт, когда я вернусь", — подумал я (ничего из этого не стёрлось из моей памяти). — "И, наверное, это к лучшему".

Аптечка была прямо за дверью, на ней лежали наши рюкзаки. Я отшвырнул их в сторону и открыл её. Там было два выдвижных ящичка. В верхнем — три эпинефрина. Я взял два из них и с силой захлопнул ящик, прищемив указательный палец правой руки. Ноготь почернел и отвалился, но в тот момент я этого даже не почувствовал. Голова пульсировала. Мне казалось, что у меня жар.

Кислородный баллон "Иноген" с прикреплённой маской и контроллером лежал на дне, вместе с сигнальными ракетами, рулонами бинта, марлевыми подушечками, пластмассовой шиной, бандажом для лодыжек, различными тюбиками и мазями. Там также был карманный фонарик "Пенлайт". Я захватил его тоже и помчался обратно по тропинке, светя перед собой фонариком.

Буч по-прежнему стоял на коленях. Женщина по-прежнему прерывисто, хрипло дышала. Её глаза были открыты. Когда я опустился на колени рядом с Бучем, она снова перестала дышать.

---

[200] Гамби — мультипликационный персонаж, зеленый гуманоид, сделанный из глины

Он наклонился, прижал свой рот к её и вдохнул в нее воздух. Поднял голову и крикнул:

— Бедро, бедро!

— Я знаю, я прошёл курс.

— Тогда делай это!

Он сделал ещё один глубокий вдох и снова занялся ею. Я сорвал колпачок с эпинефрина, приложил его к её бедру — которое выглядело как вельветовые брюки, но это было её бедро — и услышал щелчок. Затем я начал отсчитывать до десяти. На пяти она резко дёрнулась.

— Держи, Лэр, держи!

— Я держу её. Думаешь, стоит использовать второй?

— Оставь пока, она снова дышит. Чем бы она ни являлась. Чёрт, какой странный у нее вкус. Как у прозрачного чехла, который надевают на мебель. Ты взял кислород?

— Вот он.

Я дал ему маску и баллон. Он прижал маску к её рту и носу. Я включил контроллер и увидел зелёный свет.

— Высокий поток?

— Да, да, давай на полную. — Капля пота с его лба попала на пластиковую маску и скатилась сбоку, как слеза.

Я передвинул регулятор до упора, в положение ВЫСОКИЙ ПОТОК. Кислород начал шипеть. На высоком уровне кислорода хватало не более чем на пять минут. И хотя в аптечке почти всё было продублировано (именно поэтому она была такой тяжёлой), этот "Иноген" был единственным. Мы уставились друг на друга.

— Это не человек, — сказал я. — Не знаю, что это, может, какой-то сверхсекретный киборг, но это не человек.

— Это не киборг.

Он указал большим пальцем на небо.

* * *

Когда кислород закончился, Буч снял маску, и женщина — давайте называть её так — продолжила дышать сама. Хрип затих. Я посветил фонариком ей в лицо, и она закрыла глаза от яркого света.

— Посмотри, — сказал я. — Посмотри на её лицо, Буч.

Он посмотрел на неё, затем на меня.

— Оно теперь другое.

— Оно теперь более человеческое, вот что ты имеешь в виду. И взгляни на её одежду. Тоже выглядит лучше. Более... чёрт, более реалистично, что ли.

— Что будем с ней делать?

Я выключил фонарик. Её глаза открылись. Я спросил:

— Ты меня слышишь?

Она кивнула.

— Кто ты?

Она закрыла глаза. Я потряс её за плечо, и мои пальцы больше не вдавливались.

— Что ты?

Она не ответила. Я посмотрел на Буча.

— Давай отнесём её в хижину,— предложил он. — Я её понесу. Держи наготове второй эпинефрин, если она снова начнёт задыхаться и хрипеть.

Он поднял её на руки. Я помог ему встать, но он понёс её легко, когда выпрямился. Её тёмные волосы свисали вниз, и когда подул ветерок, они развевались, как нормальные волосы. Слипшихся прядей больше не было.

Я оставил дверь хижины открытой. Он занёс её внутрь, положил на диван, затем наклонился, упершись руками в колени и переводя дыхание.

— Мне нужна моя камера. Она в моём рюкзаке. Не достанешь?

Я нашёл её, завернутую в пару футболок, и отдал ему. Женщина — теперь она почти выглядела как женщина — смотрела на него. Её глаза были выцветшего голубого цвета, как коленки старых джинсов.

— Улыбнись, — сказал Буч.

Она не улыбнулась. Он всё равно ее сфотографировал.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Ответа не последовало.

Буч сделал ещё одну фотографию. Я подался вперёд и положил руку ей на шею. Я думал, что она отстранится, но она не шелохнулась. На вид это была кожа (если не присматриваться), но на ощупь не чувствовалась как кожа. Секунд двадцать я держал руку там, потом убрал её.

— У неё нет пульса.

— Правда? — Он не удивился, и я тоже не почувствовал удивления. Мы пребывали в шоке, наше сознание было перегружено.

Буч попытался засунуть руку в правый передний карман её вельветовых брюк, но не смог.

— Не настоящий карман, — сказал он. — Ничего настоящего. Она вся как... костюм. Думаю, она и есть костюм.

— Что нам с ней делать, Буч?

— Да хрен её знает.

— Позвонить в полицию?

Он поднял руки, а затем опустил их, эти жесты нерешительности были не в его духе.

— Ближайший телефон — в магазине "Брауни". Это не близко. И "Брауни" закрывается в семь. Придётся тащить её через мост к джипу...

— Я помогу нести, — произнёс я с видимым энтузиазмом, но продолжал думать о том, как мои пальцы утонули в том, что выглядело как сапоги, но таковыми не являлось.

— Значит, снова проверять мост, — сказал он. — А по поводу её перевозки, она сейчас в стабильном состоянии, но... что? Чему ты улыбаешься?

Я указал жестом на женщину — на то, что выглядело как женщина, — лежавшую на диване.

— У неё нет пульса, Бучи. Она клинически мертва. Стабильнее некуда.

— Но она дышит! И она... — Он проверил, чтобы убедиться. — Она смотрит на нас. Слушай, Лэрд, готов ли ты попасть на первую полосу всех газет и стать главной новостью на всех телеканалах не только в Мэне или США, но и по всему миру? Потому что если мы вывезем её отсюда, так оно и будет. Она инопланетянка. Прибыла из грёбаного космоса. И, видимо, у неё нет страсти к земным женщинам.

— Если только она не лесбиянка, — сказал я. — Тогда она вполне может охотиться на земных женщин.

Мы начали смеяться так, как смеются люди, пытающиеся не сойти с ума. Она по-прежнему смотрела на нас. Ни улыбки, ни хмурого взгляда, никакого выражения вообще. Женщина, которая не была женщиной, у которой не было пульса, но которая дышала, которая носила одежду, которая не была одеждой, но с каждой минутой всё больше походила на одежду. У меня мелькнула мысль, что если сейчас Буч попытается залезть к ней в карман, то его рука проникнет внутрь. Возможно, он даже найдет там мелочь или упаковку конфет "Лайф Сейверс".

— Почему она оказалась на мосту? Как думаешь, что с ней случилось?

— Понятия не имею. Я думаю...

Я так и не услышал, что он хотел сказать. В этот момент в окно главной комнаты нашего домика, выходящее на восток, обрушился поток света. Мысли нахлынули, сбивая друг друга, как домино. Первая: время как-то незаметно пролетело, и солнце уже взошло. Вторая: рассвет никогда не был таким ярким в нашей хижине, потому что с той стороны было много деревьев. Третья: за этой женщиной приехала какая-то правительственная организация, и это были их прожекторы. Четвёртая: кто-то действительно пришел за ней... но это не правительство.

Свет становился всё ярче. Буч прищурился и поднял руку, чтобы заслонить глаза. Я сделал то же самое. Я подумал, что, возможно, мы получаем сильную дозу радиации. За мгновение до того, как в комнате стало так ярко, что в моих глазах побелело, я взглянул на женщину на диване. Помните, я говорил, что эти картинки никогда не сотрутся из моей памяти? Всё-таки есть одно исключение. Я не помню, что увидел, когда посмотрел на неё в этом ужасном сиянии. Или, быть может, мой мозг заблокировал это. В любом случае, я не думаю, что смотрел на неё. Я пытался заглянуть в неё. Из того, что я увидел, я запомнил только одно слово: ганглии.

Я закрыл глаза руками. Ни капельки не помогло. Свет проникал прямо сквозь мои руки и закрытые веки. Тепла не было, но свет всё равно пытался выжечь мои мозги дотла. Я услышал, как закричал Буч. В этот момент я потерял сознание и был даже рад этому.

* * *

Когда я очнулся, ужасное сияние исчезло. Вместе с ним исчезла и женщина. На диване, где она лежала, теперь сидел молодой человек — может, лет тридцати, а может, и моложе — с аккуратно причёсанными светлыми волосами, с пробором, прямым как линейка. На нём были брюки цвета хаки и стёганый жилет. Небольшая сумка висела у него на плече на ремне, перекинутом через грудь. Моей первой мыслью было, что это охотник не из наших краёв, житель равнин с патронами в сумке и винтовкой с прицелом неподалёку.

Вторая мысль: скорее всего, нет.

У нас было полдюжины ламп на батарейках, и он включил их все. Они давали много света, но не могли сравниться с тем неземным (в буквальном смысле) сиянием, которое вторглось в наш домик ранее. Насколько ранее — вопрос, на который у меня не было ответа. Я даже не был уверен, что это та же самая ночь. Я посмотрел на свои часы, но они остановились.

Буч сел, огляделся, увидел меня, увидел незнакомца. Он задал вопрос, который был одновременно безумным и — при данных обстоятельствах — совершенно логичным:

— Вы — это она?

— Нет, — ответил молодой человек. — Та ушла.

Я попытался встать на ноги, и у меня это получилось. Я не чувствовал похмелья или оцепенения. Скорее, наоборот, бодрость. И хотя я видел дюжину фильмов про злобных пришельцев из космоса, у меня не было ощущения, что этот молодой человек опасен. И я не верил, что он был на самом деле молодым человеком.

В нашем маленьком холодильнике стоял кувшин с водой и последние три банки пива. Я поколебался, но выбрал пиво.

— Дай мне одну, — попросил Буч.

Я бросил ему банку, и он поймал её одной рукой.

— А вам, сэр? — спросил я.

— Почему бы и нет?

Я отдал ему последнюю банку. Наш гость выглядел нормально — как любой молодой человек на охоте с друзьями или отцом, — но я все равно старался не касаться его пальцев. Я могу описать, что произошло, но своё состояние... это описать гораздо сложнее. Могу лишь повторить, что не чувствовал угрозы, и позже Буч признался в том же самом. Конечно, мы были в шоке.

— Вы ведь не человек, да? — спросил Буч.

Молодой человек открыл банку пива.

— Да.

— Но в лучшем состоянии, чем она.

— Она была сильно ранена. Вы спасли ей жизнь. Это было то, что вы называете "удачей". Вы могли ей вколоть то, что легко убило бы её.

— Но ЭпиПен сработал, — сказал я.

— Так вы это называете? Эпи? ЭпиПен?

— Сокращение от эпинефрина. Наверное, её свалила аллергия.

— Может, её ужалила пчела, — предположил Буч и пожал плечами. — Вы знаете, что такое пчёлы?

— Да. Вы также дали ей своё дыхание. Вот, что её по-настоящему спасло. Дыхание — это жизнь. Больше, чем жизнь.

— Я сделал то, чему нас учили. Лэрд поступил бы точно так же.

Мне хотелось бы думать, что Буч был прав.

Молодой человек сделал глоток пива.

— Могу я забрать банку с собой?

Буч сел на подлокотник старого кресла.

— Ну что ж, старина, вы лишите меня залоговой стоимости, но я войду в ваше положение, конечно, забирайте. Только потому, что вы с другой планеты.

Наш гость улыбнулся так, как улыбаются люди, когда понимают, что это была шутка, но не уловили её смысла. У него не было акцента, тем более мэнского говора, но у меня сложилось чёткое ощущение, что он говорит на выученном языке. Он открыл свою сумку, молнии там не было. Он просто провёл пальцем по её длине, и она открылась. Внутрь неё он положил банку "Будвайзера".

— Большинство людей не сделали бы того, что сделали вы. Большинство бы убежало.

Буч пожал плечами.

— Инстинкт. И немного подготовки, наверное. Мы с Лэрдом состоим в местной добровольной пожарной команде. Вы знаете, что это такое?

— Вы останавливаете горение до того, как оно успеет распространиться.

— Можно и так сказать.

Молодой человек порылся в сумке и достал что-то, похожее на футляр для очков. Он был серый, с серебряной фигурой в виде синусоиды, тиснённой на крышке. Молодой человек положил футляр на колени. Он повторил:

— Большинство людей не сделали бы того, что сделали вы. Мы у вас в долгу. За Иллу.

Я знал это имя, и хотя он произнёс его как "Йелла", я знал правильное написание. И по его глазам я понял, что он знал, что я в курсе.

— Это из "Марсианских хроник"[201]. Но вы ведь не с Марса, сэр?

Он улыбнулся.

— Вовсе нет. И мы здесь не потому, что желаем земных женщин.

Буч аккуратно поставил своё пиво, как будто от неосторожного движения банка бы разбилась.

— Вы читаете наши мысли.

— Иногда. Не всегда. Как бы вот так. — Он провёл пальцем по волнообразной фигуре на сером футляре. — Мысли для нас не имеют значения. Они приходят, проходят, им на смену приходят другие. Эфемеры. Нас больше интересует то, что ими движет. Для разумных существ это что-то... центральное? Мощное? Значимое? Я не знаю правильного слова. Возможно, у вас его нет.

— Первобытное? — предложил я.

Он кивнул, улыбнулся и отпил пива.

— Да. Первобытное. Хорошее слово.

— Откуда вы? — спросил Буч.

— Это не имеет значения.

— Почему? — спросил я. — Зачем вы прибыли на Землю?

— Это более интересный вопрос, и поскольку вы спасли Иллу, я отвечу. Мы собираем.

— Что собираете? — спросил я, вспомнив истории, которые читал (и видел по телевизору) о пришельцах, похищающих людей и проводящих над ними негуманные опыты. — Людей?

---

[201] "Марсианские хроники" — научно-фантастический роман Рэя Брэдбери, принёсший автору широкую известность; написан в 1950 году

— Нет. Другие вещи. Предметы. Но не такие, как этот. — Он достал из сумки пустую банку из-под пива. — Этот предмет для нас ничего не значит, но для меня он особенный. Есть хорошее слово для этого, возможно, французское. А venir?

— Сувенир, — сказал я.

— Да. Это мой сувенир этой замечательной ночи. Мы бываем на распродажах.

— Вы шутите, — сказал я.

— В разных местах они называются по-разному. В Италии — vendita in cantiere. На Самоа — fanua fa'tau. Мы приобретаем некоторые вещи для истории, некоторые — для изучения. У нас есть пленка, на которой запечатлена смерть вашего Кеннеди от выстрела из винтовки. У нас есть фотография с автографом Джуджуди.

— Погодите. — Буч нахмурился. — Вы говорите о судье Джуди[202]?

— Да, Джуджуди. У нас есть фотография Эмметта Тилла[203], юноши с обезображенным лицом. Микки Мауса и его клуба. У нас есть реактивный двигатель из хранилища выброшенных предметов.

"Они — сборщики мусора", — подумал я. — "И не так уж отличаются от Ренни Лакасса".

— Мы собираем эти предметы, чтобы запомнить ваш мир, который скоро исчезнет. Мы делаем то же самое на других планетах, но их не так много. Вселенная холодна. Разумная жизнь встречается редко.

Мне было плевать, насколько редко, мне было важно другое.

— Как скоро исчезнет наш мир? Вы это знаете или только предполагаете? — И прежде чем он успел ответить. — Вы не можете этого знать. Не на сто процентов.

— Если мерить ваши мерками, то через век, если вам, как вы говорите, "повезёт". А это всего лишь миг в масштабах времени Вселенной.

— Я в это не верю, — категорично заявил Буч. — Да, у нас есть проблемы, но мы не самоубийцы. — Потом, возможно, вспомнив о буддистских монахах, которые не так давно поджигали себя во Вьетнаме, добавил. — Большинство из нас хочет жить.

— Это неизбежно, — сказал молодой человек. На его лице было написано сожаление. Может быть, в этот момент он думал о Моне Лизе или пирамидах. А может, просто о том, что больше не будет ни банок пива, ни фотографий с автографами Джуджуди. — Когда интеллект опережает эмоциональную устойчивость, это всего лишь вопрос времени. — Он указал на угол нашей хижины, где лежали ружья. — Вы — дети, играющие с огнём. — Он встал. — Я должен идти. Это для вас. Подарок. Наш способ отблагодарить вас за спасение Иллы.

---

[202] шоу "Судья Джуди" — одна из самых рейтинговых дневных программ в истории американского телевидения, в оригинале звучит как "Джаджджуди"

[203] Эмметт Тилл — афроамериканский мальчик, который был убит в штате Миссисипи в возрасте 14 лет, после того, как белая женщина обвинила его в приставаниях, впоследствии признавшись, что ложно. Жестокость убийства и оправдание его убийц стали фактором расширения движения за гражданские права чернокожих в США

Он протянул серый футляр. Буч взял его и осмотрел.

— Не могу понять, как его открыть.

Я взял футляр. Буч был прав. Не было ни петли, ни крышки.

— Подышите на волну, — произнёс молодой человек. — Не сейчас, после моего ухода. Мы дарим вам ключ от жизни, потому что вы подарили Илле своё дыхание. Вы отдали ей часть своей жизни.

— Это для нас обоих? — спросил я. В конце концов, ведь только Буч делал женщине искусственное дыхание.

— Да.

— Что оно на самом деле делает?

— Нет слова для обозначения того, что оно делает, кроме слова "первобытное". Способ использовать то, что вы не используете из-за... — Он наклонился вперёд, нахмурив лоб, затем поднял глаза. — Из-за шума в вашей жизни. Из-за лишних мыслей. Мысли бессмысленны. Хуже того, они опасны.

Я был озадачен.

— Оно исполняет желания? Как в сказке?

Он засмеялся, затем словно удивился, что может смеяться.

— Оно не даст вам того, чего у вас нет. Это аксиома.

Он направился к двери, затем оглянулся.

— Мне жаль вас. Ваша планета — это живое дыхание во Вселенной, которая в основном наполнена мёртвыми огнями.

Он ушёл. Я ждал, когда снова хлынет свет, но этого не произошло. Если бы не серый футляр, который теперь держал Буч в своих руках, можно было бы подумать, что всего этого не было.

— Лэр, мне это не приснилось?

Я указал на футляр.

Он улыбнулся своей безрассудной, беспечной улыбкой, которую я знал с тех пор, как мы, будучи детьми, бегали по "Лестнице самоубийц" в Касл-Роке, чувствуя, как она дрожит под нашими кроссовками.

— Хочешь попробовать?

— Есть старая пословица: бойся данайцев, дары приносящих...

— Да, но?

— Чёрт с ним, я согласен. Вдувай своё драгоценное первобытное дыхание, Бучи.

Он улыбнулся, покачал головой и протянул футляр мне.

— После тебя. И если ты отдашь концы, я обещаю позаботиться о Шейле и Марке.

— Марк уже достаточно взрослый, чтобы самому позаботиться о себе, — сказал я. — Ладно, Сезам, откройся.

Я осторожно подул на волну. Футляр открылся. Он был пуст. Но когда я вдохнул, то уловил слабый запах мяты. Да, скорее всего, это была мята.

Футляр закрылся сам собой. Не было видно линии, где крышка соприкасалась с корпусом, и не было петель. Он выглядел абсолютно цельным.

— Ничего? — спросил Буч.

— Ничего. Твоя очередь. — Я протянул ему футляр.

Он взял его и осторожно подул на волну. Футляр открылся. Он наклонился, робко понюхал, затем глубоко вдохнул. Футляр закрылся.

— Грушанка?

— Мне показалось, мята, но, наверное, это одно и то же.

— Вот тебе и данайцы, дары приносящие, — сказал он. — Лэр... это ведь не было розыгрышем, а? Ну, знаешь, когда девушка и парень прикидываются... ну, там, фокус, обман... — Он замолчал. — Нет, а?

— Нет.

Он положил серый футляр на столик рядом с блокнотом для рисования.

— Что ты собираешься сказать Шейле?

— Наверное, ничего. Я предпочёл бы, чтобы моя жена не решила, что я сошёл с ума.

Он рассмеялся.

— Ну-ну, удачи. Она читает тебя, как открытую книгу.

Конечно, он оказался прав. И когда Шейла начала расспрашивать (допрашивать), я рассказал ей, что нет, мы не заблудились, но попали в переделку в лесу. Какой-то охотник выстрелил в оленя, как он думал, и пуля прошла между нами. Мы так и не увидели, кто это был, сказал я ей... и когда она спросила у Буча, он поддержал мою версию. Сказал, что это, вероятно, был кто-то из приезжих, из другого штата. И это не было совсем неправдой, Буч действительно видел пару таких.

Буч зевнул.

— Я иду спать.

— Ты сможешь уснуть? — спросил я и сам зевнул. — Сколько сейчас времени, кстати?

Буч посмотрел на свои часы и покачал головой.

— Остановились. А твои?

— Да, и... — я снова зевнул, — ...они на заводе. Должны быть в порядке, но не идут.

— Лэр? То, что мы вдыхали... думаю, это было какое-то успокоительное. А если это яд?

— Значит, мы умрём, — ответил я. — Я пойду спать.

Так мы и поступили.

Мне приснился сон о пожаре.

* * *

Когда я проснулся, за окнами уже стоял день. Буч сидел на кухне в главной комнате. Кофейник стоял на плите и пыхтел. Буч спросил, как я себя чувствую.

— Нормально, — ответил я. — А ты?

— Как огурчик... Кофе?

— Да. Потом нужно пойти посмотреть, на месте ли мост. Если на месте, мы поедем. Появимся раньше запланированного.

— Как мы иногда и делаем, — сказал он и налил кофе. Чёрный кофе, насыщенный и крепкий. Как раз то, что нужно после встречи с инопланетянами. При дневном свете всё это должно было казаться галлюцинацией, однако не казалось. Ни мне, ни Бучу, когда я его спросил.

Хлеб уже закончился, но осталась пара фруктовых пирогов. Я представил, как Шейла качает головой и говорит, что только мужчины в лесу будут есть на завтрак пироги "Хостесс".

— Вкусно, — жуя, произнёс Буч.

— Да. Отлично. Тебе что-нибудь снилось, Бучи?

— Нет. — Он задумался. — По крайней мере, не помню. Но посмотри на это.

Он взял свой блокнот и пролистал страницы с рисунками, которые рисовал вечерами — обычные наброски и карикатуры, включая одну с моим изображением: на ней у меня была голова в форме воздушного шарика, я широко ухмылялся и переворачивал блинчики на сковороде. Ближе к концу блокнота он остановился и показал мне страничку с новым рисунком. Там был наш молодой гость: светлые волосы, жилет, брюки цвета хаки, сумка через плечо. Это была не карикатура, это был тот самый человек (если его так можно назвать) во всех подробностях... с одним исключением. Глаза молодого человека были полны звёзд.

— Чёрт возьми, это потрясающе, — восхищенно сказал я. — Давно ты уже не спишь?

— Около часа. Я нарисовал это за двадцать минут. Просто знал, что делать. Как будто оно уже было готово. Не изменил ни одной черточки, ни одной линии. Безумие, да?

— Безумие, — согласился я.

Я подумал, не рассказать ли ему про свой сон о горящем сарае. Сон был невероятно ярким. Довольно долгое время я пытался всякими способами начать рассказ о необычной, причудливой буре. Над этим рассказом я размышлял, если честно, уже много лет. Эта идея пришла мне в голову, когда я был примерно в том возрасте, в котором сейчас находится мой сын. Я пробовал начать то с одного персонажа, то с другого, то с описания города, где развернулся бы сюжет; однажды я даже пытался начать с метеорологической сводки.

Ничего не помогало. Я чувствовал себя, как человек, который пытается открыть сейф, забыв при этом комбинацию. А сегодня утром, благодаря сну, я увидел, как молния ударяет в сарай. Я увидел, как флюгер в форме петуха накаляется докрасна от жара, пока языки пламени распространяются по крыше сарая. Я подумал, что всё остальное последует за этим. Нет, я знал это.

Я взял со стола предмет, похожий на футляр для очков, и перебросил его из руки в руку.

— Оно сработало, — сказал я, затем бросил его Бучу.

Он поймал его и сказал:

— Конечно. А что еще?

* * *

Всё это случилось более сорока лет назад, но с течением времени я нисколько не усомнился в своих воспоминаниях о той ночи. Сомнения никогда не закрадывались, и картинки не стёрлись из моей памяти.

Буч помнил произошедшее так же хорошо, как и я: Илла, яркий свет, потеря сознания, молодой человек, футляр для очков. Этот футляр, насколько мне известно, до сих пор лежит в хижине. Мы еще несколько лет приезжали туда в ноябре, пока Буч не отправился на запад, и каждый по очереди дул на тисненую волну, но футляр больше не открывался для нас. И, я уверен, не откроется ни для кого другого. Если только кто-то его не украл — а кому бы он ещё понадобился? — он по-прежнему стоит на каминной полке, где Буч оставил его в последний раз.

Последнее, что сказал мне Буч, прежде чем мы покинули хижину в тот день, — это то, что он больше не хочет рисовать в своем блокноте, по крайней мере, какое-то время.

— Я хочу писать картины, — сказал он. — У меня тысяча идей.

У меня была только одна идея — горящий сарай, ставший первой сценой в "Грозовой буре", — но я был уверен, что за ней последуют и другие. Дверь открылась. Мне оставалось лишь войти в нее.

* * *

Иногда меня мучает мысль, что я — самозванец. Перед смертью Буч говорил то же самое в нескольких интервью.

Это удивляет? Я так не считаю. Когда осенью 1978 года мы отправились в лес, мы были одними, а вернувшись оттуда, стали совершенно другими. Мы стали теми, кем стали. Полагаю,

главный вопрос связан с талантом — был ли он в нас изначально или был подарен нам, как коробка конфет, потому что мы спасли жизнь Иллы? Можем ли мы гордиться тем, чего достигли, вроде как поднявшись за счёт собственных усилий, или мы просто пара позёров, присвоивших непонятно чьи заслуги, которых никогда бы не добились, если бы не та ночь?

Что это за штука такая — талант? Иногда я задаю себе этот вопрос, когда бреюсь, или — в старые времена, когда занимался продвижением книг — когда жду за кулисами, чтобы появиться на телевидении и продать очередную порцию своих вымышленных историй, или когда поливаю лилейники своей покойной жены. Особенно когда поливаю лилейники. Что это такое на самом деле? Почему судьба выбрала именно меня, когда так много других писателей стараются изо всех сил и готовы на всё, лишь бы судьба выбрала их? Почему на вершине пирамиды так мало людей? Ответом считается талант, но откуда он берется и как прорастает? И почему прорастает?

Ну, говорю я себе, мы называем его даром и называем людей с талантом одарёнными, но ведь этот дар никак не заработаешь, так же? Он лишь даётся сверху. Талант — это благодать божья.

Молодой человек сказал, что оно не даст нам того, чего у нас нет. Это аксиома. Я тешу себя этой мыслью.

А ещё он сказал, что ему жаль человечество.

3

На этом рассказ папы закончился. Может, он потерял интерес к своей фантастической версии той охоты в 1978 году, но я так не думаю. Последние несколько строк показались мне кульминацией.

Я достал с полки над его столом пробный экземпляр "Грозовой бури", возможно, тот самый, который я смотрел вскоре после смерти матери.

"Рваный разряд молнии поразил сарай. Он ударил с глухим звуком, похожим на выстрел из дробовика, заглушенный одеялом. Джек едва успел это заметить, как вслед раздался громовой рёв. Он увидел, как флюгер в форме железного петуха раскалился докрасна от жара и начал вращаться, а крыша сарая прогнулась и по ней побежали огненные полосы".

Это не совсем совпадало с текстом в рукописном документе, но было близко. И даже лучше, как мне казалось.

"Это ничего не значит", — сказал я себе. — "Он держался за эти строчки, за этот образ, потому что они были хорошими... или приличными. Вот и всё, что это значит".

Я вспомнил звонок матери в тот ноябрьский день 1978 года. Хотя это было много лет назад, но я четко помню первое, что она произнесла: "Что-то случилось с отцом, когда они охотились... и с Бучем". Она не хотела, чтобы я сразу же возвращался домой, потому что с ними обоими всё было в порядке. Но в выходные — обязательно. Она сказала, что они утверждали, будто заблудились, хотя оба знали Тридцатимильный лес слишком хорошо.

— Как свои пять пальцев, — пробормотал я. — Так она сказала. Но...

Я вернулся к рукописи папы.

"Я сказал ей... мы попали в переделку в лесу. Какой-то охотник выстрелил в оленя, как он думал... пуля прошла между нами".

Какая из версий была правдой? Согласно рукописи, ни одна из них. Думаю, именно тогда я начал верить в рассказ папы. Или... нет, не совсем так, потому что она всё еще казалась слишком фантастичной. Но именно тогда в моей душе пробудилась вера в его рассказ.

Рассказывал ли он ей когда-нибудь ту историю, которую считал настоящей? Возможно ли такое? Думаю, да. Брак — это честность и хранилище общих секретов.

Папа исписал только половину блокнота на пружине, остальные страницы были пусты. Я взял в руки блокнот, собираясь положить его обратно в нижний ящик, и тут на пол выскользнул лист бумаги, который находился между последней страницей и задней обложкой. Я поднял его и увидел, что это квитанция из муниципалитета города Харлоу, выписанная на имя "Эл-энд-Ди Хоулидж", компании, которую я считал давно не существовавшей, по крайней мере, лет пятьдесят, а может, и дольше. "Эл-энд-Ди" оплатила налог на имущество за годы с 2010 по 2050 ("по текущей ставке 2010 года") за участок земли, прилегающий к Джиласи-Крик в поселении Ти-Эр-90[204]. Оплачено единовременно.

Я откинулся в кресле папы, уставившись на сумму, указанную в квитанции. Кажется, я даже чертыхнулся. Платить заранее по ставке 2010 года, вероятно, было очень выгодно, но оплатить на сорок лет вперед — в городке, где большинство людей имели задолженность по налогам — это было неслыханно. Согласно этому листу бумаги, "Эл-энд-Ди Хоулидж" — Лэрд Кармоди и Дэйв ЛаВердье, другими словами — выложили 110 тысяч долларов. Конечно, к тому времени они могли себе это позволить, но зачем?

Подходил, как мне думается, только один ответ: они хотели защитить свою маленькую охотничью хижину от застройки. Но почему? Потому что тот футляр для очков с другой планеты всё ещё был там? Это казалось маловероятным; скорее всего, стервятники в человеческом обличии давно избавили хижину от всего, что представляло хоть какую-то ценность. А вот что казалось вероятным — и теперь в это было легче поверить, — так это то, что мой отец и его друг решили сохранить место, где они встретили существ с другого мира.

Я решил туда поехать.

* * *

Лесных дорог, по которым папа и дядя Буч добирались до ручья Джиласи-Крик, давно уже нет. Теперь на их месте возведён жилой район и трейлерный парк, оба называются Хемлок-Ран. Ти-Эр-90 тоже больше не существует. Сейчас это городок Причард, названный в честь местного героя, погибшего во Вьетнаме. На картах и в джи-пи-эс системе по-прежнему обозначен Тридцатимильный лес, но в наши дни это всего лишь десять миль леса, если не меньше. Возможно даже всего пять. Старый шаткий мост давно исчез, но чуть ниже по течению

---

[204] Вымышленный городок в произведениях С.Кинга, фигурирует в романах "Мешок с костями" и "Под куполом"

появился другой — узкий, но прочный. Смысл его существования — баптистская церковь "Благодать Иисуса", которая стоит на берегу ручья в Причарде. Я переехал через него и припарковался на церковной стоянке, хотя в тот день уровень воды в Джиласи был настолько низок, что я мог бы перейти его пешком, если бы додумался надеть болотные сапоги.

Я пошел вверх по течению и нашел сломанные опоры старого моста, глубоко утонувшие в сорняках и папоротниках. Повернувшись, я увидел тропинку к хижине, теперь сильно заросшую кустарником и терниeм. Стоял знак с надписью "ОХОТА ЗАПРЕЩЕНА. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ЛЕСНИЧЕГО". Я осторожно, боясь ядовитого плюща или ядовитого дуба, пробрался сквозь кусты. Четверть мили, писал Папа, и я знал по собственным поездкам сюда (их было немного; мне не особо нравилось стрелять в существ, которые не могут выстрелить в ответ), что это примерно так.

Я подошел к запертым воротам, которых уже не помнил. На них висел еще один знак с изображением лягушки над надписью "КВА-КВА, УБИРАЙСЯ С МОЕГО УЧАСТКА". Одним из папиных ключей я открыл ворота. Я обошел поворот, и вот передо мной хижина. За ней годами никто не ухаживал. Крыша не обрушилась от многолетнего снега, вероятно, потому что ее частично защищали переплетенные ветви великовозрастных сосен и елей, но она покосилась и вряд ли продержится долго. Дощатые бока, когда-то покрашенные в коричневый цвет, теперь выцвели и потеряли всякий цвет. Окна были заляпаны грязью и пыльцой. Место выглядело совершенно заброшенным, но, судя по всему, не подверглось вандализму, что я счёл своего рода чудом. На ум пришли строчки из какого-то старого стихотворения, вероятно, прочитанного еще в школе: "Сплети вокруг него тройной круг и закрой глаза с благоговейным страхом"[205].

Я нашел нужный ключ на папиной связке ключей и вошел в дом, где царили затхлость, пыль и жара. А также шорохи нынешних жильцов: мышей или бурундуков. Скорее всего, и тех, и других. Колода игральных карт "Байсикл" была разбросана по столу и полу, вероятно, её раскидали порывы ветра через дымоход. Когда-то мой отец и его друг играли в криббедж этими самыми картами. Перед камином лежала куча пепла, но не было ни граффити, ни пустых бутылок или банок из-под спиртного.

"Круг был сплетён вокруг этого места", — подумал я.

Я сказал себе (даже отругал себя), что у меня возникли глупые, суеверные мысли, но факт оставался фактом: хижина была не тронута. Хемлок-Ран (и жилой комплекс, и трейлерный парк) находился совсем рядом. Конечно, детишки могли исследовать эти леса, и, конечно, надпись "КВА-КВА, УБИРАЙСЯ С МОЕГО УЧАСТКА" не могла их остановить. Но, похоже, они действительно держались подальше.

Я взглянул на диван. Если бы я на него сейчас сел, пыль поднялась бы тучей, и мыши разбежались бы кто куда, но я мог представить молодого человека со светлыми волосами, сидящего там, пришельца, которого мой дядя Буч нарисовал со звездами в глазах. Теперь, когда я оказался здесь, в хижине, которую папа и дядя Буч оплатили, чтобы сохранить в целости (и сохранности) до середины века, поверить в папин рассказ было легче.

Гораздо легче.

---

[205] из поэмы Сэмюэла Тейлора Кольриджа "Кубла-хан, или Видение во сне"

Приезжал ли кто-то из них сюда снова, возможно, чтобы забрать футляр, похожий на те, в которых держат очки? Вряд ли Буч; по крайней мере, не после своего отъезда на Западное побережье... но я не думаю, что мой отец тоже здесь бывал. Они покончили с этим, и, хотя я был папиным наследником, я чувствовал себя незваным гостем.

Я пересек комнату и посмотрел на каминную полку, ни на что особо не надеясь, но серый футляр лежал там, покрытый слоем пыли. Я потянулся к нему и, когда положил на него руку, то вздрогнул, будто боясь, что он ударит меня током. Но он не ударил. Я смахнул пыль с верхней части и увидел волну, ярко-золотую, тиснёную на чём-то вроде серой замши. Хотя на ощупь это была не замша и не совсем металл. На футляре не было ни единого шва. Он был абсолютно гладким.

"Оно ждало меня", — подумал я. — "Всё было правдой, каждое папино слово, и теперь это часть моего наследства".

Поверил ли я в рассказ своего отца? Практически. Оставил ли он футляр мне? На этот вопрос ответить сложнее. Я уже не мог спросить двух талантливых засранцев, которые приезжали сюда поохотиться в ноябре 1978 года, потому что оба они были на том свете. Они оставили след в этом мире — картинами и книгами — и ушли в мир иной.

Молодой человек, который не был человеком, сказал, что подарок предназначался им, потому что папа ввел женщине, которая не была женщиной, укол эпинефрина, а дядя Буч дал ей свое — цитирую — "драгоценное дыхание". Но ведь он не сказал, что это было только для них, верно? И если папино дыхание открыло его, то разве моё не может сделать то же самое? В конце концов, та же кровь, та же ДНК. Откроется ли Сезам для меня? Решусь ли я попробовать?

* * *

Что я уже рассказал вам о себе? Дайте-ка вспомнить. Вы знаете, что я много лет был школьным инспектором округа Касл, а потом ушел на пенсию, чтобы стать личным секретарем своего отца... не говоря уже о том, что менял ему постельное белье, когда он мочился ночью. Вы знаете, что я был женат, и жена ушла от меня. Вы знаете, что в тот день, когда я стоял в этой разваливающейся хижине, глядя на серый футляр из другого мира, я был одинок: родители умерли, жена ушла, детей нет. Это то, что вы знаете, но во мне есть целая вселенная, о которой вы даже не догадываетесь. Думаю, это верно для любого человека на земле. Я не собираюсь вам много рассказывать, и не только потому, что это займет слишком много времени, но и потому, что вам будет скучно. Если бы я сказал, что уходил в частые запои после того, как меня бросила Сьюзан, вам было бы это интересно? Или что я на короткое время подсел на интернет-порнографию? Или что было время, когда я подумывал о самоубийстве, но не всерьез?

И всё же я расскажу вам о двух вещах, хотя обе они смущают меня почти — но не совсем! — до стыда. Это грустные вещи. По-моему, мечты мужчин и женщин "определенного возраста" всегда печальны, потому что они идут вразрез с обыденностью будущего.

У меня есть некоторые писательские способности (как, я надеюсь, доказывают эти мемуары), и я всегда мечтал написать великий роман, который остался бы в веках. Я любил своего отца и люблю его до сих пор, но жить в его тени было утомительно. Моей мечтой было, чтобы критики писали: "По сравнению с глубиной романа Марка Кармоди работы его отца кажутся поверхностными. Ученик действительно превзошел учителя". Я не хотел бы таких желаний, но

часть меня так чувствует и будет чувствовать так всегда. Эта часть меня — пещерный человек, троглодит, который часто ухмыляется, но никогда не смеется.

Я умею играть на пианино, но играю довольно посредственно. Иногда меня просят аккомпанировать гимнам в афроамериканской церкви, и то только если миссис Стэнхоуп в отъезде или плохо себя чувствует. Я медленно и неуклюже нажимаю на клавиши. Мои способности к чтению нот находятся на среднем уровне. Я хорошо играю только три-четыре произведения, которые выучил наизусть, но людям надоело их слушать.

Я мечтаю написать великий роман, но это не самая моя заветная мечта. Сказать вам, какая? Раз уж мы зашли так далеко, то почему бы и не сказать?

Я нахожусь в ночном клубе, и там все мои друзья. Папа тоже. Оркестр покинул сцену, и я спрашиваю, могу ли я сыграть мелодию на пианино. Лидер оркестра, конечно же, разрешает. Мой папа стонет: "О Боже, Марки, только не опять "Верни мне свою любовь"! А я говорю (с соответствующей скромностью): "Нет, я выучил кое-что новое" и начинаю играть классическую композицию Альберта Аммонса[206] "Танец буги-вуги". Мои пальцы летают! Разговоры тут же прекращаются! Люди смотрят на меня, пораженные и восхищенные! Барабанщик возвращается на свое место и подхватывает ритм. Саксофонист начинает дуть в свой грязный альт-саксофон, как в "Текиле". Зрители хлопают в ладоши. Некоторые срываются с мест и танцуют джиттербаг[207]. И когда я заканчиваю своё выступление финальным глиссандо правой рукой, как Джерри Ли Льюис[208], они вскакивают на ноги и кричат: "Еще!"

Вы не видите меня, но я краснею, когда пишу эти строчки.

И не только потому, что это моя самая сокровенная фантазия, но и потому, что она так распространена. По всему миру, даже сейчас, женщины играют на воображаемых гитарах, как Джоан Джетт[209], а мужчины в своих комнатах отдыха представляют, как дирижируют "Пятой симфонией" Бетховена. Это обычные фантазии тех, кто отдал бы всё, чтобы стать избранными, но не являются таковыми.

* * *

Стоя в этой пыльной, готовой развалиться хижине, где однажды два человека встретили существо из другого мира, я подумал, что хотел бы хотя бы разок сыграть "Танец буги-вуги", как Альберт Аммонс. Один разок и всё, этого хватит, сказал я себе, зная, что одного раза будет недостаточно, и никогда не бывает.

Я дунул на волну. В центре футляра появилась линия... держалась мгновение... и затем исчезла. Я постоял некоторое время, держа футляр в руках, а потом положил его обратно на каминную полку.

Я вспомнил, как молодой человек сказал, что оно не даст того, чего нет.

---

[206] Альберт Аммонс — американский пианист, был королём буги-вуги и блюзового джаза
[207] джиттербаг — популярный в 1930 — 1950-е годы танец, характеризующийся быстрыми, резкими движениями, похожий на буги-вуги и рок-н-ролл
[208] Джерри Ли Льюис — американский певец, пианист, композитор, один из основоположников и ведущих исполнителей рок-н-ролла
[209] Джоан Джетт — американская рок-певица, гитаристка, вокалистка и автор песен

— Всё в порядке, — сказал я и тихонько рассмеялся.

Однако всё было не в порядке, это ранило душу, но я понимал, что рана заживёт. Я вернусь к своей жизни, и рана заживёт. У меня куча дел, связанных с моим знаменитым отцом, которые нужно уладить, я буду занят ими, и, в конце концов, у меня много денег. Возможно, я поеду на Арубу. Это нормально — желать невозможного. С этим можно жить.

Так говорю я себе и по большей части верю в это.

К содержанию

— Он включил газовую плиту, и мы нашли расплавленный кусок зажигалки на том месте, что осталось от кухонного пола, и как вы считаете?

Что я посчитал, так это то, что умный детектив мог бы задуматься: если они нашли остатки "Зиппо" на кухне, то как Элджин мог оказаться на кушетке в столовой? Но, видимо, детектив не блистал умом.

* * *

Я проработал в "Темп-О" до сентября, а затем уволился и уехал в Небраску. Никаких особых причин для Небраски не было, просто туда меня занесло. Я устроился на временную работу на ферму, одну из тех больших агрокомпаний, и управляющий оставил меня после окончания сезона сбора урожая. Сейчас я здесь. Идет снежная буря. Шоссе I-80 перекрыто. Я сижу за этим столом и думаю о галактиках за галактиками. Скоро я закрою этот блокнот, погашу свет и лягу спать. Шум ветра убаюкивает меня. Иногда мне снятся вьетнамские джунгли и мужчины, кричащие в огне. Иногда женщины, кричащие в огне. Дети. Они умоляют: "Nahn tu, nahn tu". Это хорошие сны. Поверьте, я говорю правду. Потому что есть и плохие сны. В плохих снах я стою перед красным домом с зеленой дверью. Если я попытаюсь открыть эту дверь, она откроется. Я знаю это и знаю, что однажды войду внутрь и встану на колени у порога гостиной. "Nahn tu", — буду умолять я, — "nahn tu", но когда придет этот последний сон, пощады не будет. Не для меня.

С мыслями о Кормаке Маккарти[231] и Эванджелине Уолтон[232]

К содержанию

От переводчика

Перевод осуществлен бывшим студентом минского иняза (МГЛУ) Ернаром Шамбаевым абсолютно бескорыстно, что называется, из любви к искусству. Я крайне не поддерживаю решение Стивена Кинга отгородиться от русскоязычных читателей, но это его право. В любом случае убежден, что нельзя оставлять его творения без перевода на великий и могучий.

Если вам понравился перевод и вы желаете отблагодарить автора, то вот номер его счета:

4400 4301 4291 3943   YERNAR SHAMBAYEV

Это поддержит его в работе над переводами следующих произведений великого мастера современности. На подходе следующая книга о Холли Гибни “Always Holly” —

---

[231] Кормак Маккарти — американский писатель-романист, прозаик и драматург, сценарист, обладатель Пулитцеровской премии

[232] Эванджелина Уолтон — американская писательница

“Холли навсегда”. Это будет довольно большая книга со множеством героев и множеством сюжетных линий и, возможно, последняя о ней.

Также я принимаю заказы на перевод художественной, технической, программистской, спортивной, шахматной литературы с английского языка на русский. Мой email: yernar@rambler.ru

БОНУС: интервью со Стивеном Кингом (май 2024)

Мэри Луиза Келли: Я хотела бы начать с вопроса о повести "Человек-ответ". Вы начали ее писать, когда вам было 30, а закончили её в 75. Что же произошло?

Стивен Кинг: Ну, я её потерял. Со мной так бывает: я пишу рассказы и не всегда их завершаю. Те, что не дописываются, попадают в ящик, и я про них забываю. А около пяти лет назад мои люди начали собирать все мои завершенные и незавершенные работы и складывать их в архив. Они искали повсюду – в ящиках стола, в корзинах для мусора под столом, во всех местах. Я не очень организованный человек. Мой племянник Джон Леонард нашел эту конкретную вещичку, написанную в отеле "Ю-эн Плаза"[233] в 70-х годах, как мне кажется. И он сказал: "Знаешь, она очень хороша. Тебе действительно стоит её закончить". Я прочитал и сказал: "Кажется, теперь я знаю, как её закончить". И закончил.

Келли: Первые шесть или около того страниц, которые вы написали в отеле, превратились в 50-страничную повесть. Почему вы решили, что стоит вернуться?

Кинг: Ну, мне понравилась концепция: молодой человек едет по дороге и пытается понять, стоит ли ему присоединяться к юридической фирме своих родителей в Бостоне или начать свое собственное дело. И он встречает на обочине человека, который называет себя Человеком-который-знает-всё. И тот говорит: "Я отвечу на три ваших вопроса за 25 долларов, и у вас есть 5 минут, чтобы их задать". И я подумал, что напишу эту историю в трех действиях. Первый акт — когда вопрошающий молод, второй – когда он среднего возраста, и третий – когда стар. Вопрос, который я себе задаю: "Хочешь ли ты знать, что случится в будущем, или нет?"

Келли: Эта история, как и многие другие ваши произведения, – о судьбе, о том, чему суждено случиться, независимо от наших действий, независимо от того, какой выбор мы делаем. Вы верите в это?

Кинг: Мой ответ — я не знаю. Когда я пишу свои произведения, то пишу их, чтобы разобраться, что я думаю на самом деле. Не думаю, что на этот вопрос есть ответ.

Келли: В послесловии к книге вы упоминаете, что возвращение в свои семьдесят с лишним лет к завершению истории, которую вы начали писать ещё в молодости, дало вам, цитирую ваши слова, "крайне странное ощущение зова в каньон времени". Можете объяснить, что это значит?

Кинг: Ну, вы слушаете, вернется ли эхо. Когда я был молод, у меня были юные представления о Человеке-ответе. Но теперь, когда я достиг, скажем так, определенного возраста, я вынужден

[233] отель в Нью-Йорке

писать, опираясь на свой опыт и мысли том, каково это — быть стариком. Так что да, для меня это было, как крик и ожидание, вернется ли эхо спустя столько лет.

Келли: Есть ли такие темы, которых вы избегаете, которых вы сторонитесь, о которых вы задумываетесь и говорите: "Знаете что, это слишком жутко, слишком дико"?

Кинг: У меня был роман под названием "Кладбище домашних животных", который я написал и отложил в стол, потому что подумал: "Никто не захочет это читать. Это слишком ужасно". Я хотел его написать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, но не думал, что буду его публиковать. А потом я оказался в контрактных тисках-обязательствах и должен был выпустить книгу с моей старой компанией, поэтому выпустил её. И обнаружил – одновременно к своему восторгу и ужасу, – что американскую публику невозможно оттолкнуть чем-то очень страшным. Нельзя зайти слишком далеко.

Келли: Насколько я помню, это был огромный бестселлер.

Кинг: Да, это был бестселлер, и по нему сняли фильм. То же самое произошло с "Оно", о клоуне-убийце, охотящемся на детей.

Келли: Который до сих пор преследует меня в кошмарах, должна вам признаться. Сколько книг вы написали на данный момент?

Кинг: Не знаю.

Келли: Правда? В нашем недавнем репортаже о вас мы называли цифры от 50 до 70.

Кинг: Наверное, их около 70, но я не веду подсчетов. Помню, в детстве я думал, что было бы замечательно написать 100 романов за жизнь.

Келли: О Боже. Ну, вы, похоже, по-прежнему получаете от этого огромное удовольствие, так что надеюсь, нас ждёт впереди ещё много ваших романов.

Кинг: Было бы здорово.